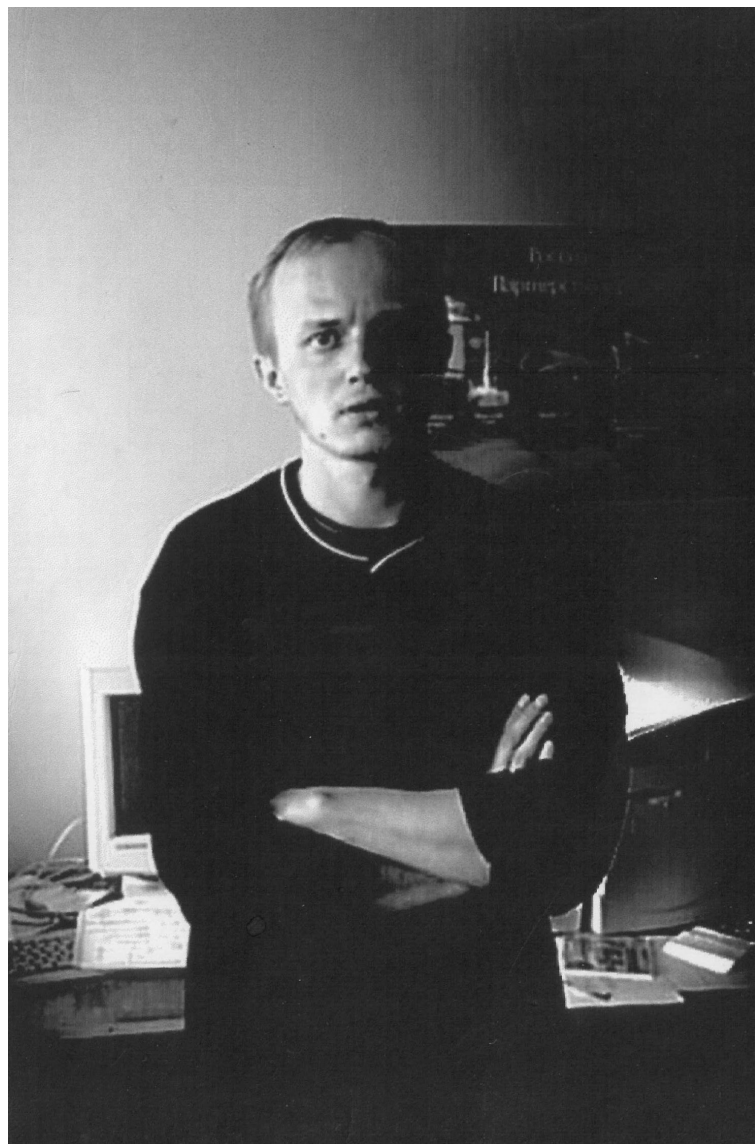

ПОЭТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ

«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Алексей Сомов

**ГРУБЕЙ
И НЕБЕСНЕЙ**

**Москва
ЛитГОСТ
2021**

УДК 821.161.1
ББК 84
С61

С61 **Сомов Алексей**

Грубей и небесней: стихотворения, эссе / Сост. Б. Кутенков. — М.: «ЛитГОСТ», 2021. — 220 с. — (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

ISBN 978-5-6041920-5-4

Эта книга — первая в библиографии поэта, эссеиста, прозаика, редактора Алексея Сомова (1976–2013), героя первого тома антологии «Уйти. Остаться. Жить» (М.: «ЛитГОСТ», 2016, сост. Б. Кутенков, И. Медведева, Е. Семёнова, В. Коркунов) и литературных чтений «Они ушли. Они остались». Алексей Сомов жил и работал в Удмуртии, в городе Сарапул. Работал художником-оформителем в кинотеатре, охранником, преподавателем информатики, инженером по маркетингу, дизайнером наружной рекламы, верстальщиком, выпускающим редактором газеты, редактором отдела прозы сайта «Сетевая Словесность». Один из лауреатов национальной литературной премии «Золотое Перо Руси-2007» в номинации «Очерк». Занял третье место в номинации «Поэзия» на международном литературном фестивале «Русский Stil-2008» в Штутгарте (Германия). Стихи вошли в шорт-лист «Согласования времён-2010», лонг-лист первой Григорьевской премии, шорт-лист Международного литературного Волошинского конкурса. Член Союза литераторов Удмуртии. Автор текста песни группы «Корни» «Ей везёт». При жизни публиковался в журналах «Урал», «Крещатик», «Новая реальность», «Воздух» и др. За пределами книги осталась проза Сомова, которую, как и большой архив его публикаций, можно прочитать на сайте «Сетевая Словесность»: <http://www.netslova.ru/somov/>.

*В оформлении обложки использована
фотография Владимира Горенштейна*

© Сомов А., наследники, 2021
© Кутенков Б., составление, 2021
© Юганова М., дизайн обложки, 2021
© Горенштейн В., фото, 2021
© «ЛитГОСТ», макет, 2021

ISBN 978-5-6041920-5-4

Ирина КАДОЧНИКОВА

НЕ СТРАШНЕЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

«Рождество в аду», «К теории снафф-литературы», «Ритуал очищения охотника», «Родина-тьма», «Бесы говорят»... Алексей Сомов умел выбирать названия для своих стихотворений — сразу предупреждал читателя, к чему нужно быть готовым, чтобы тот успел подумать, хочет ли он погружаться в эту страшную, адскую, крошечную реальность, пахнущую глиной, смертной сиренью, газом, зловонным ветром. Но это лишь одна (хотя, наверное, самая значительная) часть сомовского творчества. Другая, напротив, обещает соприкосновение с чудом красоты, Рождества, Преображения. На этих противоречиях и строится художественный космос Алексея Сомова, поэта, который чуть более чем за 10 лет творческой биографии прошёл весьма сложный путь — от полного принятия мира до его полного отрицания, от боголюбия до богоборчества.

*о чём ты думал, опытный вожак? —
на предпоследнем жгучем издыханье,
как в детстве, кувыркаясь и визжа,
бежать с единокровными бок о бок
по грудь в слоёном мартовском снегу,
смотреть на звёзды гибельные в оба
и умереть от бега на бегу.*

Умер Алексей Сомов в возрасте 37 лет — по словам Александра Корамыслова, «буквально “загнав” себя»¹: скончался от сердечного приступа в собственной квартире. По словам же Зинаиды Сарсадских, жены поэта, причина смерти не установлена.

---

¹ См. настоящее издание.

*Держись во имя всех твоих врагов
на ниточках дымящих потрохов,
прихлёбывай из браконьерской фляги
за здоровье прищуренных богов.
Пока свирель,
полна сама собой,
насвистывает ужас и отбой,
и стаи бронированных волков
заходят за флажки с обоих флангов.*

Была в Алексее Сомове какая-то неуравновешенность, грубость, даже жестокость, которую многие отмечали. Это проявлялось на уровне бытового поведения. И неудивительно, что внутренняя деструктивная энергия, трансформируясь в творческую, становилась импульсом для создания тёмных, страшных стихотворений, иногда вызывающих чувство физического отвращения: и мир, и человеческое тело, и традиционные (культурные и религиозные) представления в них выворачиваются наизнанку. Рождество происходит в аду, «ангел родной земли» «чёрен, одутловат и страшен», «Зло кувыркается с Добром», человек оказывается актёром кино в жанре снаффа: весь сомовский мир насквозь пропах смертью, на всём — следы умирания, всё уже давно произошло:

*Смотри смотри смотри на мир который умер
а если даже нет то здорово смердит
плохие сны в Твоём раскрашенном bedroom'e
плохие сны смотри смотри смотри смотри*

Возможно, дело в опыте ранних утрат: Алексей в молодости потерял родителей, друга, не вернувшегося живым из Чечни. Возможно, в гибели сына: Илья трагически погиб в пятилетнем возрасте — утонул в бассейне. Возможно (что уж скрывать), в пристрастии к алкоголю. Возможно, в чём-то другом — глубоко личном, даже бессознательном. Большой дар, как известно, требует большой платы. В любом случае при чтении Сомова не может не возникнуть предположение, что ранняя смерть поэта (а Сомов прежде всего — поэт, уже потом прозаик) была им предугадана, пред-чувствована:

*Но прошу тебя, ты обозначь, проследи
траекторию главного чуда
перед тем, как забьёшься-упаду посреди
оживлённо молчащего люда.*

*(И каштаны посыплются на тротуар,
как последний,
сладчайший,
немыслимый дар).*

Алексей Сомов родился в 1976 году в городе Сарапуле Удмуртской Республики, где и прожил всю жизнь. Однако родную географию Сомов переосмыслил. Даже на сайте «Сетевая словесность», где представлена большая часть сомовского творчества, в биографической справке до сих пор так и значится: «живёт в г. Тугарине». Этот город описан в стихотворении «Тугарин и окрестности», в эссе «Облако имени Лены Руфовой» и «Один таран, один побег». Вообще считается, что название «Сарапул» произошло от слова «сарапуль» — «жёлтая рыба» (стерлядь) по-чувашски. Сомов поработал не с этимологией, а с экзистенцией: слово «Тугарин» (здесь нельзя не отметить фонетическую переключку с «Сарапулом»: 3 слога, ударный [а]), отсылающее к образу трёхглавого змея, так или иначе связано с представлением о чём-то страшном — смерти, насилии, жестоком кровопролитии:

*Где калёным железом, да с матерком,
достоевский мужик тишком-ладком
ухайдакал-таки лошадку,
где двумя перстами грозил раскол —
молонья в руце на гербе градском
и тюрьма, довлеющая ландшафту.*

Тугарин у Сомова строится по модели тюрьмы: «“Теперь я понимаю, почему на гербе Тугарина изображена древняя крепость”, — думал я. “Замки и засовы, заборы и ставни, — вот из чего сделан этот город”» (из эссе «Один таран, один побег»). В Сарапуле, кстати, несколько тюрем, одна из них

расположена на улице Раскольникова: понятно, откуда возник «достоевский мужик» в стихотворении «Тугарин и окрестности». Логично, что и Удмуртия у Алексея превратилась в «Умрудию» (эссе «Облако имени Лены Руфовой»). А вот Кама-река была удостоена более счастливой участи, став «Любой-рекой»: «кама» в переводе с санскрита — «любовь» (на самом деле к происхождению названия реки это санскритское слово не имеет отношения). Видимо, родина не представлялась Сомову богатым на культурологические смыслы местом: нужна была мифологизация. Оно и понятно.

Сарапул — изначально город купеческий — расположен на берегу реки Камы. Здесь сохранилось много памятников старины: церкви, постройки XIX-го века. Да и сам статус города на реке — особенный. Но всё-таки Сарапул — место сильно провинциальное, настоящая глубинка. Это сейчас он чуть ли не туристическая столица Удмуртии, но в центре города по-прежнему множество неотреставрированных построек, полуразрушенных зданий. На фоне такого пространства и проходила жизнь Сомова: разруха, безработица, криминал. Да и подлинное лицо города — заводское: «Городок в табакерке фабричной». Родители Алексея работали на Сарапульском радиозаводе (отец — инженером, мать — в цехе), сам Алексей — экономистом на заводе «Элеконд» (там до сих пор производятся конденсаторы, светодиодные светильники).

Образование Сомов получил по тем временам очень качественное — окончил экономический факультет филиала Ижевского государственного технического университета в Сарапуле, где, кстати, некоторое время работал — в компьютерном отделе. Там же, по воспоминаниям Зинаиды Сарсадских, которая и познакомилась с Алексеем на почве творчества (Зина тоже поэт), «знакомые музейщицы сарапульские сделали маленькую галерею... — первую галерею в городе Сарапуле, чудесную, печальную и весёлую галерею». Это было в 2000 году — в самом начале нового века, нового тысячелетия, на первые тринадцать лет которого и пришёлся творческий путь Алексея Сомова. При галерее выходил альманах «О'берег», Сомов был его дизайнером и одним из авторов.

Если говорить о литературной жизни Удмуртии начала нулевых, то надо отметить, что она всё-таки была достаточно

активной. В 2001 году Сомов вошёл в состав Союза литераторов Удмуртии — неформального объединения, созданного усилиями Елены Лабынцевой и Владимира Трефилова. Союз имел своё печатное издание — альманах «Аквилон», в котором Алексей неоднократно печатался. В это время круг единомышленников Сомова составляли воткинский поэт Александр Корамыслов (с ним Алексей долгое время находился в творческом и дружеском диалоге), ижевские авторы Даниил Клеопов и Денис Бесогонов. Последний трагически погиб — покончил с собой 13-го сентября 2003 года. Через 10 лет, 13-го августа 2013-го, скончался Алексей Сомов. В этом совпадении цифр есть что-то мистическое, пророческое — оно особенно ощущается, если открыть сомовское стихотворение с подзаголовком «Памяти Д. Бесогонова»:

*Душа моя, пусти меня к себе
в обитель из живых цветов и стали.
В нечаянном преддверии небес
мы растеряли нужные детали
самих себя.*

Алексей Сомов начал писать стихи ещё в школьные годы, но «штучно». Он хорошо учился, много читал, рисовал. В детстве получил травму, которая в некоторой степени тоже наложила отпечаток на его творчество. Как рассказывает Зинаида Сарсадских, «когда Алексею было 12 лет, он упал с крутой горы на лыжах на уроке физкультуры, и острие палки воткнулось ему в левый глаз, глаз уцелел, Алексей был без сознания, его спасали в Сарапуле и в Ижевске». «Вообще он был левша, и тут ему пришлось развивать и правый глаз, и руку», — резюмирует Зина. Поэтому на всех фотографиях у Сомова прикрыт левый глаз. Отсюда, возможно, — тема сомкнутых век в его творчестве, тема слепоты, жизни «наощупь». Мир раскрывается Сомовым через метафору азбуки Брайля: читая её, каждый из нас, по-своему слепой — в метафизическом смысле — оставляет на ней следы, «ногтевые отметки». «Ногтевые отметки» поэта — его стихи:

*Это мы — неживой застывающий воск,
простецы-гордецы-подлецы-человеки —
трудно бредим Тобой, нерассказанный,
сквозь крепко сшитые веки.*

*Только Ты не забудь, только Ты нам зачти
всё, что было до времени скрыто, —
ногтевые отметки, слепые значки на полях манускрипта.*

Ранние стихи Сомова были опубликованы в местной (сарapulьской) газете. Одна из первых серьёзных публикаций — подборка стихотворений «Когда вокруг так гулко и беззвёздно» — в № 10 журнала «Урал» за 2001 год. Затем последовали публикации в журналах «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Воздух», «Новый берег», «Новая реальность», «Луч». Алексей Сомов стал постоянным автором большей части этих изданий, где он был представлен не только как поэт, но и как автор эссе и рассказов.

Писательский талант Сомова был замечен и оценён ещё при жизни. Так, в начале нулевых Алексей стал победителем и лауреатом целого ряда литературных конкурсов, обладателем премий: национальной литературной премии «Золотое Перо Руси-2007», международного литературного фестиваля «Русский Stil-2008» (Германия), конкурса «Согласование времен-2010», первой Григорьевской премии, Международного литературного Волошинского конкурса. Прозаические тексты Алексея Сомова были дважды — в 2006 и 2007 гг. — отмечены как «лучшие рассказы» и вошли в сборники «Укус и крокодилы. 38 лучших рассказов 2006 года» (СПб.: Амфора, 2007) и «Беглецы и чародеи: лучшие рассказы 2007 года» (СПб.: Амфора, 2008).

При всей очевидности литературного успеха тем более удивительно, что при жизни у Алексея Сомова не вышло ни одной книги, хотя известно, что в начале 2000-х в издательстве «Удмуртия» готовился к выходу сборник стихотворений с показательным названием «Заутреня», но он так и остался неизданным.

Мировоззрение раннего Сомова восходит и к творчеству Осипа Мандельштама с его концепцией мира как «Богом дан-

ного дворца», и к религиозно-философским представлениям (Николай Бердяев, Владимир Соловьёв). Однако в Сарапуле у Алексея были свои учителя — например, Владимир Фролов: это ему посвящено стихотворение «Апрель». Стихи Фролова — о благодарном принятии всего, о радости смирения и близости человека Богу, о возможности обретения спасения через духовную нищету:

*Властитель звёздный, загляни
В растрёпанную роскошь листьев
И запиши суровой кистью,
Как мы проводим эти дни —
Слегка испуганно живём
На нищем и прекрасном свете —
Твои кочующие дети
В непротивлении своём.*

Всё это нашло отражение в творчестве Сомова, сумевшего создать образ очень стройной Вселенной, где «нет ничего, кроме света»: здесь утверждается космичность культуры и мироздания, понимание бытия как положительного всеединства, идея о том, что хаос можно преодолеть силами искусства, которое «не есть только борьба со злом и грехом — оно создаёт иной мир, продолжает дело творения»²:

*Только бы, немея на закат,
подставляя грудь дождю и снегу,
кончиком сухого языка
прикоснуться к небу — или к небу.
Тут-то и наступит, как удар,
и встряхнёт за немощные плечи
дивный и немилосердный дар
человечьей речи...*

Одно из самых пронзительных стихотворений Алексея Сомова — «От мглы, налипшей на зубах...»:

---

² Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. — М., 1916. С. 93.

*От мглы, налипшей на зубах,
от злобы, что довлеет дневи,
храни, Господь весёлый Бах,
в заботах о насущном небе.*

Господь, по Сомову, — великий композитор: Бах символизирует высшую степень творческого воплощения (ср. формулу Иосифа Бродского: «В каждой музыке — Бах»), смысл которого — в преобразении бытия по законам добра, в утверждении жизни («мгла» символизирует смерть и зло). При этом Бах определяется как «весёлый», хотя его музыка, имеющая глубоко религиозное содержание, по определению не может быть названа беззаботной. Здесь вспоминается высказывание немецкого писателя Жан-Поля Рихтера: «веселье — это небо, под которым цветёт всё, кроме злобы». Именно с молитвой хранить человека от злобы лирический герой Сомова обращается к «Господу весёлому Баху», и здесь отражено такое представление об искусстве, согласно которому оно не способно изобразить зло, поэтому и молитва лирического героя — о спасении человечества:

*Даруй нам, Господи, любовь
без слов кривых и знаков тайных —
корзину рыбы, пять хлебов,
и в марте гололёд и тальник,
цветочный яд и дикий мёд,
Восток и Север, Юг и Запад,
поскольку этот город мёртв
и дом покинутый не заперт.*

Воскрешение мёртвого мира осуществляется силой творчества — музыки, которая вполне может служить метафорой поэзии:

*Сыграй, прошу Тебя, сыграй
на самых чистых и щемящих
в малиновый павлиний рай,
в сквозной, набитый ветром ящик...*

Словосочетание «сыграть в ящик» в данном контексте утрачивает своё фразеологическое значение, оказываясь в одном перечислительном ряду с выражением «сыграть в рай». «Сквозной, набитый ветром ящик» — метафора мироздания, которое у Сомова амбивалентно, поскольку объединяет в себе и Хаос, и Космос: мир предстаёт холодным вьюжным пространством и одновременно — цветным птичьим садом (ср. в другом стихотворении: «под веками на цыпочках прокрасться / в базарный день, / в галдящий пёстрый мир»), и в этом выражается полнота бытия, которое вмещает в себя всё сущее. Господь, играя на самых пронзительных нотах («на самых чистых и щемлящих») высокую небесную музыку, осуществляет акт миротворения, постоянного обновления мира, который, собственно, и есть звучание, ритм, напев, ибо ничего «нет позорней немоты», то есть отсутствия творческого импульса. Бог — вечное творящее начало:

*Ведь нет позорней немоты —
не умалишь её, не спрячешь —
и это слишком знаешь Ты,
и плачешь, Господи, — Ты плачешь?*

Слово «Господи» в контексте этого смысла звучит не как обращение, а как междометие. «Плачет» сам лирический герой — от чувства причастности к абсолютному, вечному и невыразимому, при этом спрашивая у Бога, знаком ли Ему такой опыт — слёзы при переживании творческого подъёма.

Для ранних стихов Сомова характерен особый, молитвенный строй, причём тексты и жанрово сближаются с молитвой (отсюда — слова «храни», «даруй», «помилуй», а также старославянизмы «несть», «обрящет», «счастье», «днесь» и вообще фрагменты молитв: «Свете мой тихий», «Христос воскрес»). Молитвы лирического героя Сомова выражают благодарность Богу за данную Им жизнь, за возможность пребывать в бытии, чувствовать себя его неотъемлемой частью.

Один из сквозных образов в стихотворениях Сомова 2003–2006 гг. — это свет: «Свет пребывает в тебе и во мне. / Свет прибывает». Речь идёт не только о физическом, но и о метафи-

зическом свете, противопоставленном смерти. То есть в пределе своём «свет» у Сомова равнозначен бытию, что вписывается в рамки общих религиозно-философских представлений.

С божественным светом в лирике Сомова сопряжена мысль о прозрении:

*и вдруг прозреть на вдох и выдох,
и задохнуться, как в грозу,
с предельной чёткостью увидев
и дальний свет, и дальний мир,
такой бесслёзный и ничейный.*

Внутренний свет, спасающий от суеты и тлена, становится для лирического героя залогом неизблемой уверенности в том, что жизнь имеет смысл и человек способен обрести «счастье» — в бытийственном понимании слова.

Этот этап в жизни Алексея Сомова, в общем-то, был достаточно благополучным: в 2000-м он женился (венчался), в 2001-м родился сын Илья. В одном из стихотворений, посвящённых ему, Сомов приходит к весьма знаковой для этого периода формуле:

*Потом усни — чтоб, словно за дверьми,
под веками на цыпочках прокрасться
в базарный день,
в галдящий пёстрый мир,
прекрасный — трижды проклятый — прекрасный.*

Да, трижды проклятый, но всё равно прекрасный. Однако после 2006-го года тональность сомовской лирики меняется. Возможно, это связано с тем, что ранние стихи с их гуманистическим, религиозным пафосом и достаточно упорядоченной картиной мира, понимаемого как Божественный Космос, смущали поэта своей смысловой и формальной традиционностью и тем обстоятельством, что в них практически не была объективирована современность, зеркалом которой и стала поздняя лирика. В любом случае поворотным моментом в жизни и творчестве Сомова стало страшное потрясение — гибель сына

в 2007-м. Отсюда — стихотворения про невидимого мальчика, ангела Пустоты, обитателя безглазых икон, коим предстаёт Господь, «побивающий первенцев».

*И словно бы не я слепил тебя из праха.
И словно это я четыре года мёртв.
И зачерствелый хлеб, и молодая брага,
и волосы воды, и пот, и дикий мёд...*

Внутренний кошмар прорывался вовне — и вот уже внешний мир видится как ад, замаскированный под «раскрашенный bedroom». Теперь в поле зрения Сомова — и Россия, «родина-тьма», и вся эпоха, в которой нет никакого гуманизма, для которой нет ничего святого.

Поздние стихи не только тематически, но и лексически отличаются от всего созданного ранее. На место молитвенных формул приходит ненормативная лексика:

*за окнами генварь за окнами светает
заколоти врата заколоти врата
мы сами тот пиздец который наступает
на всех Твоих невидимых фронтах.*

Наличие обценных выражений в стихотворениях Сомова объясняется не только (и не столько) их экспрессивной функцией. Юрий Иосифович Левин отмечает, что «ругательства близки перформативам: высказывание является одновременно и поступком, действием»³. «Выругаться» для лирического героя Сомова равнозначно «выразить грубость», совершить «акт грубости»⁴ по отношению к бесчеловечности времени, отзеркалить его жестокость, его собственный «акт грубости», направленный в адрес человека, которому ничего не остаётся, как уподобиться миру — стать таким же мёртвым. Сомов

---

³ Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М.: Языки русской культуры, 1998. С. 809.

⁴ Там же.

изображает предельно раскрепощённую и страшную картину современности, деструктивный во всех смыслах опыт эпохи и объективирует собственное, предельно трагическое переживание, связанное с ощущением экзистенциальной безысходности, внутреннего глубокого кризиса, сопряжённого с осознанием конца культуры. Теперь мотив созидания в разных его реализациях — творчество, любовь, отцовство — сменяется мотивом убийства. «Весь этот добрый snuff / весь этот добрый snuff» — вот магистральная тема, утвердившаяся в лирике Сомова после 2007 года. Мир, репрезентированный поэтом в стихотворениях 2007–2011 гг., находится на грани распада. Понимание бытия как гармонии сменяется пониманием эпохи как ада, в котором звучит адская музыка — музыка хаоса, смерти, разрушения:

но чу
ты слышишь музыку
и словно бы огни
и музыка и эти вот огни
дада
огни
и музыка
и дивные огни
ТЕПЕРЬ ВАЛИ ЕЁ СЫНОК
БАБАХХ

В микроцикле «Ритуал очищения охотника», строящемся на реминисценции из стихотворения Евгения Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт...», идея о «духе гражданства», проповедуемая поэтом-шестидесятником, полностью дискредитируется. «Мясник» у Сомова — символ духовной пустоты и гибельного начала, а Россия показана как смердящая страна. «Менты» — объективация идеи «мёртвых душ» («их души в заточении на марсе»), а через лексему «говно» проводится мысль об унижительном (унижающем достоинство) выборе русского человека — в том числе, как это ни драматично, и о выборе в пользу самой России. В итоге поэт приходит к авторефлексивной формуле о статусе поэта:

*когда тебя на цинковом столе
разглядят до последних сраных складок
потом обмоют голубой водой из шланга
тогда поймешь залупа что всего дороже на земле
потом засунут в девочкин живот
где червяки и теплота и сырость
ну вот и повторяй: ну вот ну вот
лежи и повторяй: ну вот ну вот ну вот
поэт в России равен лишь России*

Здесь речь идёт не о высоком предназначении художника — напротив, актуализируется мысль о его ничтожности, ненужности. Поэт Сомова, беззащитный перед жестокостью времени, убитый эпохой, тем не менее оказывается её голосом. Слово героя (ср. лексемы «менты», «говно», «залупа», «сранные»), с одной стороны, передаёт его отношение к современности, а с другой, есть зеркало этой современности. Поэт говорит на «грязном» языке эпохи, и в этом смысле он равен ей. Его душа безобразна и мертва в той степени, в какой безобразен и мёртв мир.

По мысли Сомова, эпоха всеобщего потребления, полное обесценивание духовных начал — не трагическая перспектива российского общества, а его жестокая реальность. Мир, показанный поэтом, — объективация «грязного», «животного» сознания, свойственного человеку XXI века. Россия у Сомова — это место, где всё «на соплях и сперме» (стихотворение «ИЧСХ»), где «каждый выбирает из себя / щепочками каловые массы» (стихотворение «Баллада о выборе»). Родина-страна есть родина-тьма:

*а за край вообще не надо смотреть
эту родину зовут твоя смерть*

<...>

*от прямых дорог и ясного ума
позовёт однажды родина тьма*

Историософский вопрос о судьбе России в творчестве Сомова решается весьма драматично. Десакрализируя ключевые концепты русской культуры, Сомов показывает её смерть. России как культуры у него нет: есть пустое пространство, наполненное знаками эпохи постмодернизма и глобализации (секс, порно, наркотики, кола, интернет и т. д.), отрывающими человека от вечного, от Бога, от жизни. Истоки такого мировоззрения понятны: Сомов как поэт сформировался в 90-е, слушал «Нирвану», «Наутилус Помпилиус», Янку Дягилеву, Егора Летова. В эссе «Из ада — в ад», посвящённом последнему, Алексей Сомов писал: «Опыт Летова — опыт трансцендентального путешествия из ада внешнего, повседневного, кухонного, огосударственного, в разноцветные глубины личного ада», — и далее резюмировал: «В конце концов, это не страшнее, чем жизнь». Опыт Сомова противоположный: это опыт путешествия из внутреннего ада во внешний кромешный мир. И это тоже не страшнее, чем жизнь, тем более что Сомову всё-таки было дано умение преодолевать травматичный опыт в созидательном слове — по крайней мере, об этом свидетельствуют его ранние стихи. Может быть, есть большой смысл в том, чтобы прочитать поэта «наоборот»: пройти путь от грубого до небесного, от безысходного — до жизнеутверждающего, от злобы — до принятия, от «рождества в аду» — до той самой страницы, «где смерть почил в бозе и живы — все». Тогда действительно возникнет ощущение прибывающего света.

...Так и бывает:

лодка качается на волне,

к берегу лодку волной прибывает.

Свет пребывает в тебе и во мне.

Свет прибывает.

=====
=====
рождество в аду
=====
=====

* * *

я хочу от русского языка
ровно того же самого
чего хочет пластун от добытого языка
связанного дрожащего ссаного

замерзает не долетев до земли плевков
а я ж тебя паскуда всю ночь на себе волок

электрической плетью по зрачкам — говори
всё как есть выкладывай или умри
все пароли явочки имена
а потом ля голышом на морозец на

посадить бы тебя как генерала карбышева на лёд очком
чтобы яйца звенели валдайским колокольчиком
чтобы ведьминой лапой маячила у лица
партизанская виселица ламцадрицаца

чтоб саднила подставленная щека
чтоб ожгло до последнего позвонка

а потом глядеть не щурясь на дымный закат
оставляя ошмётки мёртвого языка
на полозьях саночек что везут
через всю деревню на скорый нестрашный суд

2008 (?)

ВАРИАЦИИ

Сергею Зхусу

Когда на тонком горле ночи сомкнутся руки брадобрея,
когда горят глаза чудовищ и лабух поправляет бант,
когда взойдёт звезда кастрата на чёрном бархате дисплея,
приходит рослый мексиканец и открывает кегельбан.

Когда поёт звезда кастрата, и от рассвета до заката
стоит в сём логове разврата неимоверный шум и гам,
приходит Квентин Тарантино, рисует странные картины,
затем играет пиццикато, и наступает Пополам.

Когда, как яркая заплата, горит себе звезда кастрата,
и в репродукции «Квадрата» проявлен местный колорит,
облитый золотом заката, в обнимку с дочкой Бармалея,
приходит Казимир Малевич, но ничего не говорит.

Когда гогочет пьяный Будда, бессонным третьим глазом плясь
на то, как в луже у трактира Зло кувыркается с Добром,
когда матрос танцует джигу и на курке танцует палец,
приходит рослый мексиканец и всем прописывает бром.

2010

АЗБУКА БРАЙЛЯ

В этом цирке уродов, где сплюснуты лбы,
где глаза вынимают скоморохам и зодчим,
в этом мире расхристанном стоило быть беспощадней и зорче.

Партизаны любви в суматошной войне,
отступаем, сжигая стихи и селенья,
в голубые поля земляничные вне Твоего поля зренья.

Закольцованный страх, вековечный дозор —
ни один не прощён и ни разу не спасся.
Всё, что было и не было, — сонный узор
на подушечках пальцев.

Это мы — неживой застывающий воск,
простецы-гордецы-подлецы-человеки —
трудно бредим Тобой, нерасказанный,
сквозь крепко сшитые веки.

Это Ты, обитатель безглазых икон,
високосное облако, радуга, копоть,
побивающий первенцев, льющий огонь в города и окопы.

Только Ты не забудь, только Ты нам зачти
всё, что было до времени скрыто, —
ногтевые отметки, слепые значки на полях манускрипта.

2010

РОЖДЕСТВО В АДУ

не знаю когда это будет
в стране победивших берёз
без плача отпразднуют люди
Твоё день рождение Христос.

в домах соберутся под вечер
закусят помянут икнут
пять тысяч рождественских свечек
в рождественский тортик воткнут.

начнут изумляться и ахать
о вере триндеть и о зле
и в полночь узрят патриарха
верхом на крылатом осле.

Тебе и не думалось даже
в запале последних минут
каким Тебя жиром измажут
какой хуеты наплетут.

А в небе не звёздочка светит
рождественский пляшет салют
и снова жестокие дети
подставят Тебя и сольют.

2010

К ТЕОРИИ СНАФФ-ЛИТЕРАТУРЫ

Ктулхёныш мой зануда механическое сердце смерть
и нежность
днесь пишу тебе сюда оттуда
где все нини ни сдохнуть ни посметь
купить билетик в пригороды чуда
ни положить ни бледного мазка
на холст судьбы ни поминай как звали
ни отступить
ведь позади тоска-тоска-тоска
и голоса зверей
и мозги на асфальте

Ктулхёныш мой (*сморкается*) страна Нини
не для таких как мы

а ну положь винтовку на место быстрого
указал ты не умеешь

но чу
ты слышишь музыку
и словно бы огни
и музыка и эти вот огни
дада
огни
и музыка
и дивные огни
ТЕПЕРЬ ВАЛИ ЕЁ СЫНОК
БАБАХХ

2009 (?)

РИТУАЛ ОЧИЩЕНИЯ ОХОТНИКА

I.

мясник в России больше чем мясник
он волосат он праздничен и светел
чу вот он из небытия возник
и в толстых пальцах мнёт зловонный ветер
предместий.

а ещё в России есть футбол
по-всякому в России есть футбол
да-да футбол в России лучше чем футбол
(убей меня, таинственный нацбол).

II.

менты в России самые менты
их души в заточении на марсе
мне жаль их всех попарно или в массе
особенно которые менты

III.

говно в России слаще чем везде
его хлебаешь дырявой деревянной ложкой
(читатель рифмы ждёт. её не будет.)

IV.

когда тебя на цинковом¹ столе
разглядят до последних сраных складок
потом обмоют голубой водой из шланга

---

¹ Авторская орфография сохранена.

тогда поймёшь залупа что всего дороже на земле
потом засунут в девочкин живот
где червяки и теплота и сырость
ну вот и повторяй: ну вот ну вот
лежи и повторяй: ну вот ну вот ну вот
поэт в России равен лишь России

2009 (?)

ИЗ ПОЭМЫ «СУХОЙ ОСТАТОК»

...А мы, без башен, без извилин
влюблённые анацефалы,
в себя вкололи или влили
всё, что хоть капельку вставляло, —
дурные сны, кривую нежность,
пожалуй, стоп, наверно, хватит,
меняем паспорта и внешность,
съезжаем с этой стрёмной хаты,
всё в топку — свадьбы и поминки,
мотки соплей, издержки кармы
и выцветшие фотоснимки,
где ништяки стоят в обнимку
с отходняками.

Пока тебе не надоело
изображать саму невинность,
я закажу мозги на вынос,
кобейнясь и хемингуэя.
Нет, я не байрон и не пидор,
хоть нынче в этом бездна пользы.
Во мне корячится поп-идол
и рок-герой меняет позы.
Я закажу себе абсента,
и чтобы Веничке икалось,
убью поп-идола об стенку,
а рок-героя — об «Икарус».

Моя любовь, всё будет быстро,
моя любовь, всё будет ярко,

как сны серийного убийцы,
как новенькая иномарка,
несущаяся по хайвею,
вперёд по страсбургам и венам.
Всё это так обыкновенно,
~~что я немножечко хую~~ что я почти благоговею.
Наш Бог уторчан и обдолбан.
Ты хочешь знать, что будет дальше?
Мы будем жить довольно долго,
ага, и счастливо в придачу.
И эта сказка будет длинной,
и все вернутся из атаки.
И жирная сырая глина
в сухом остатке.

2009 (?)

ТЛАЛОК

Из цикла «Другие эссе»

Памяти Пэ

Я понял на ходу, что я в тумане.
Струились лица, контуры текли,
всё исчезало прежде, чем возникнуть.

Я плёлся по безлюдным мостовым.
Вдруг на углу мне улыбнулся мальчик,
и мне взбрело потрогать его кожу
и убедиться, что она живая.
Но кисть руки в мальчишеских вихрах
растаяла — и мальчик содрогнулся,
впервые ощутив небытие.
И замер, изумлённый этой дрожью.

Октавио Пас. «Пришелец»

Возьмите пятьдесят фотографий кого угодно, говорит наш старинный приятель Уильям Эс Берроуз. Среди них найдутся такие, на которых лицо настолько другое, что с трудом можно узнать человека. Возможно, предложение не согласовано, говорит наш текстовый редактор, но это не мы, это переводчик облажался. Я к тому, продолжает Берроуз, что большинство людей имеет много лиц. Человек, который всегда выглядит одинаково, на самом деле вовсе не этот человек: он только изображает этого человека, делает вывод старина Уильям Эс, бессознательно цитируя дона Хуана.

То же самое — с городами. Каждый город состоит максимум из двух-трёх улиц, дворов, подъездов, плюс пяток телефонных номеров. У нас есть не так много, и, возможно, чуть ли не главное, что у нас есть, это места, где нас любили

и где любили мы. Где мы предавали, хали-лгали и трусили. Какая-нибудь крыша, где отпускают на волю убитых птиц (прости, прости, прости).

Но беда в том, что города со временем тоже умирают, и их лица меняются самым паскудным образом, как у всех покойников. Застывают, зарастают плющом и диким виноградом, сереют, покрываются асфальтовыми морщинами, так что, пожалуй, проще и милосерднее отвести взгляд при встрече, чем симулировать радость. Наши города гибнут или сдаются на милость завоевателям с траурными ногтями, а потом долго-долго дотлевают на изнанке сновидений. И это хуже, чем похоронить ребёнка.

Если у вас нет сюжета, можно просто выйти из дома и пройти по историческому центру города. Вы будете приятно удивлены — сколько, оказывается, этих самых сюжетов валяется прямо у вас под ногами, на дрянной брусчатке.

Во всех окрестных домах творится какой-то очередной праздник, люди поют трудными обречёнными голосами и ломают вещи, за которые платили деньги. Любая подробность их бедного, ими самими обокраденного быта — слабый запах газа на лестничной площадке, колыхнувшаяся занавеска в окне, подтекающий чем-то бурый потолок, обвалившаяся стена супружеского благополучия — могла бы стать абзацем в нашем рассказе, но нам скучно заниматься судьбами живых точно в такой же мере, в какой живые скучны сами себе. Мы идём себе по залитым апрельским солнцем улицам, никого (до поры до времени) не трогая, но и никого не боясь. Думая главным образом одну простую мысль: *что мы здесь?*

К нам обращается не старая ещё женщина с гофрированным лицом и разнокалиберными зубами: «Здравствуйте! Как вы думаете, спасётся ли этот мир?» Мы останавливаемся, поражённые: нас денно и ночью занимает этот же самый вопрос. Женщина суёт нам в руки измятый и почему-то влажный буклетик с изображением земного шара в чьих-то ладонях на обложке. Внутри, как можно догадаться, — цитаты из Большого Бестселлера всех времён и народов.

Спасётся ли этот — с траурными ногтями и запахом столовских пельменей изо рта — мир? Ха, ха, ха. Ну какой вопрос. Конечно же, нет. Вот и расшитое умрудское полотенце, на котором так удобно вешаться, под рукой.

«...И вновь меня несло ленивым ветром».

Вот мы поравнялись с деревянным домом, по щиколотки вросшим в мостовую и чуточку подавшимся к улице — будто хочет шепнуть что-то случайному прохожему, — но ещё крепким. Мы-то знаем, что он хочет рассказать, старый болтун. Здесь жил человек, однажды заказавший мастеру-краснодеревщику резной шкаф для платья. В дверцы шкафа были вделаны зеркала в человеческий рост. Потом пришли солдаты в набрякших шинелях со споротыми погонами и увели хозяйна в сырую темень, а шкаф остался ждать, и без малого сотню лет в его зеркалах отражались совсем другие люди. Молодые и старые, счастливые и несчастные, красивые и не очень.

А шкаф ждал. И наконец дождался.

Мебель вместе с домом — или дом в нагрузку к мебели? — купила приезжая музейщица, из породы вечных энтузиасток в роговых очках, шумно восторгавшаяся этим городом и его странноватой историей. В одну из ночей, когда музейщица и её муж, взобравшись на кровать с медными шишечками, деловито занимались любовью, шкаф вдруг тяжельно вздохнул, будто потянулся после долгого сна, хрустнул всеми деревянными позвонками — и вдоль одного из зеркал пробежала длинная трещина.

Музейщица нащупала на тумбочке очки, вгляделась в зыбкий сумрак и закричала. Она увидела расколотого трещиной от макушки до пят бледного бородатого человека, которого уводили в одном исподнем, детей (мальчик, девочка и ещё девочка постарше), жмущихся к печным изразцам, и на стене — отвратительное пятно с ошмётками мозгов и кусочками кости, прилипшими к обоям. И случайно попавшую в кадр ногу в женском ботинке, вывернутую под странным, неестественным углом.

Днём зеркало шкафа соглашалось показывать то, что показывало обычно, — кровать с медными шишечками, окно, часть стены с литографиями местных художников. Ночью кошмар повторялся: несчастного негоцианта снова уводили, а дети не плакали, за сотню без малого лет высохнут любые слёзы, они молчали, смотрели и запоминали, и это молчание было хуже всего.

После того, как музейщицу бросил муж, она продала дом со всей мебелью за бесценок и переселилась в новенький кирпичный улей. Люди, знавшие её, отмечали, что она, как все упорно не взрослеющие дети, за очень короткий промежуток вдруг сильно постарела, будто быстрым шагом прошла все положенные возрастные стадии, стала необычайно молчалива и сосредоточенна, а дом, даром что памятник архитектуры девятнадцатого столетия, на другое лето пожгли, чтобы расчистить место под павильон торговой сети «Алтын», что мы здесь де?

Нам нравится неторопливо перелистывать страницы фазисов с затейливыми виньетками-наличниками, нравится читать эту бесхитростную книгу, один из тысячи томов во всемирной библиотеке мёртвых. Конец квартала означает конец главы, пожарная каланча вдалеке — назидательный перст лирического отступления.

Ещё одна заваливающая мыслишка из тех, что пылятся в картонной коробке на самой верхней полке, даже не надеясь, что когда-нибудь придёт их черёд. Лучшие книги нашей юности мы украли. Мы помним каждую из них: от пухлого тома «Акмэ: любовь и сексуальность до и после тридцати» — там не было ничего соблазнительного, кроме диаграмм, показывающих связь между частотой оргазмов и уровнем образования у самок, — до Льва Николаевича Гумилёва с золотым обрезом.

Позвольте представиться: Книжный Вор. В прошлом сезоне в каждой книжной лавке был вывешен наш подмигивающий фоторобот, слепленный из воспоминаний (ату его,

ату!) торговцев. Специально для нас введена должность охранника, на которую вербуются хмурые мужчины с выражением глаз, удивительно сочетающимся с цветом униформы. Безусловно, нам нравится такая популярность. Ну и просто — чтобы боялись.

Итак, ещё и ещё раз, чтобы затвердить наизусть: **КНИГИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, НЕ МОГУТ ЯВЛЯТЬСЯ ПРЕДМЕТОМ ТОРГА.** Василий Розанов был прав: книги по определению дороже водки и блядей, потому что замешены даже не на крови — на семени человеческого. Эбби Хоффман был прав вдвойне: книги можно и нужно красть, это вам не колбаса какая-нибудь. Султан Омар вносит существенный корректив: всё уже написано в главной небесной Книге, остальные книги лишь повторяют написанное либо, что ещё хуже, содержат в себе возмутительную ересь, и посему их надо сжигать. Некоторые — перед прочтением, пока они не умерли злонамеренной естественной смертью. И все книги — мудрые и глупые, весёлые и грустные, — горят так же хорошо, как старые дома.

А если кто-нибудь начнёт размазывать сопли насчёт бедных продавцов, из жалованья которых вычитают стоимость украденного нами, — этому слабонервному негодяю мы откусим нос.

С левой стороны выщербленной «потёмкинской» (не из-за сходства с той, куда более знаменитой, а из-за вечных потёмок, царящих здесь даже в самый солнечный весенний день) лестницы притулился двухэтажный каменный дом — какой-то он испуганный, что ли, прячется за деревьями, и не заметишь, пока вплотную не подойдёшь. А ведь когда-то смотрел гордо восемью окнами вверх голов, и владелец, честный кожевник, предполагал, что здесь будут жить его внуки и правнуки, да он ещё их и увидит собственными глазами. Но с тех пор дом унизили, опустили, превратив во что-то вроде общежития для одиноких старух. Там, где была гостиная, теперь общая кухня с неистребимыми кошачьими запахами, а в широченных дверных проёмах топорщатся куски фанеры, обитые

драной клеёнкой. На стене у каждой двери прибит жестяной умывальник с неприкосновенным бруском серого мыла на полочке. Дощатый толчок находится в глубине двора.

В одной из комнат этого дома (ранее — кабинет хозяина) жила добрая женщина с круглым миловидным лицом, сильно верующая и почти неграмотная. Она зарабатывала мытьём полов в разных учреждениях, а в свободное от работы время любила стряпать и угощать своей стряпнёй многочисленных родственников. Мы помним, как два раза в год — на октябрьские и майские — праздничная демонстрация для нас и наших тогдашних родителей неизбежно заканчивалась здесь, в комнате с высоким лепным потолком и стенами, выкрашенными масляной краской. Наши дядья и тётки, взрослые двоюродные братья и сёстры уписывали пироги и шаньги, время от времени наполняли и опрокидывали зелёные рюмки, и шеи наливались тяжёлой густой краснотой, и голоса становились всё громче, а шутки — непринуждённое. Нас интересовал главным образом бабушкин кот, ленивый и наглый дымчатый красавец, прогрызший однажды карман выходного пиджака дяди Аркани — в этом кармане побывал пузырёк из-под валерьянки, — да какой-нибудь синий-красный-оранжевый-жёлтый воздушный шарик, прихваченный на демонстрации, да ещё то, какой будет эффект, когда шарик наконец соприкоснётся с иголкой от матерчатой гвоздики, уворованной на той же демонстрации.

У доброй пожилой женщины было небольшое родимое пятнышко на щеке, нисколько не портившее её миловидного лица. Впоследствии оказалось — рак кожи. Зловонная язвочка (быстрая прокрутка) росла и вширь, и вглубь, превратилась в дырку, начался некроз тканей, показались зубы и дёсны. А дядья, братьевья и сестры всё рубали и рубали пельмешки да рыбники, не обращая внимания на то, как из отверстия, от которого по серой коже разбегались в разные стороны как бы маленькие синие молнии, сочтётся старческая слюна, что, что, что?

Лирическое отступление. На празднестве в её (Гласольтеотль) честь убивали девушку, сообщает некто Р. Баландин в книге «Сквозь магический кристалл». Из её кожи изготавливали накидку, которую набрасывал на себя жрец, олицетворявший с этого момента богиню. Затем следовал танец, символизировавший соединение с Уицилопочтли (Колибри-левшой), одним из четырёх Тескатлипоков, который в этом ритуале выступал олицетворением Солнца. В результате праздновалось рождение бога молодого маиса (ритуал магии плодородия).

А в этом доме, если подняться по скрипучей лестнице, миновать длинную застеклённую веранду и свернуть направо, снимал комнату не старый ещё мужчина, о котором нам известно, что он управлял экскаватором, а на запыстье у него была нарисована синяя русалочка.

Как-то раз, копая котлован для очередного кирпичного улья, он зацепил ковшом старую могилу — такие спонтанные захоронения разбросаны по Тугарину там и сям с двадцатых годов прошлого столетия. В те времена в подвале каждого второго дома глухими ночами люди часто расспрашивали других людей о всяких разных вещах, а потом уводили в ночь. Когда осыпались комья глины, мужчина увидел, что между зубьев ковша, словно в пасти ископаемого монстра, торчит полуистлевшая рука. Маленькая, почти детская. Работу из-за такой ерунды останавливать не стали, в тот день должны были привезти квартальную премию, всем хотелось закончить пораньше.

Вечером нестарый мужчина пошёл в городскую баню, на обратном пути выпил один литр водки и ещё один прихватил домой. Он был холост и привык пить, чокаясь с фотографией Владимира Семёновича Высоцкого. Ночью он пел сам для себя и отчасти для соседей про то, как ему парус, пор-р-рвали парус. На следующее утро он вышел во двор, написал на сером обугленном снегу замысловатый жёлтый иероглиф, застегнул брюки, посмотрел на скучное небо вто-

рого апреля две тысячи девятого года, закурил и тихонько спел для себя про купола, которые в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь примечал-л-л. Когда он шёл через веранду, в мутное стекло постучали. Сквозь частый переплёт мужчина разглядел бледное, чистое, очень юное лицо и сказал что-то вроде: якорь мне в жопу. Недоумевающая сноска: второй этаж. Лицо часто-часто кивало и улыбалось.

Её звали Вера Виктименко, она была гимназисткой четвёртого класса Алексеевской женской гимназии, её расстреляли в девятнадцатом году, на третий день после торжественного въезда командарма Грязиньша в Тугарин. Расстреляли просто так, до кучи, вместе с отцом, депутатом городской Думы, матерью, ненавистным желтушным братцем Димочкой, случайно оказавшимся в гостях отцовым приятелем, присяжным поверенным Избраньевым-Званским, всей прислугой и ещё тремя-пятью тысячами тугаринских обывателей. Нестарый мужчина пригласил Веру в комнату, налил в стакан остатки водки, галантно предложил (он когда-то служил на флоте и один раз чуть-чуть не побывал в Йокогаме). Вера выпила, кутаясь в изодранную мамину шаль, немного погода оживилась и страшно похорошела. Мужчина смотрел на неё во все глаза, пытаясь при этом вспомнить телефон врача, который излечивал запойный алкоголизм за три сеанса акупунктуры. Вера сказала: вы мне нравитесь, безусловно нравитесь, и я с удовольствием сделаю вместе с вами всё то, что однажды видела на фотографических карточках, найденных в братцевом комодке. Надо же когда-то начинать. Но сперва верните мне мою руку. И показала культю, обмотанную обрывками шали.

Мужчина смекнул, что к этому времени в глинистое дно котлована, наверное, уже забили первые сваи, и быстро сказал: ебать-колотить, да я тебя и так любить буду. Они легли в постель, и ложились неоднократно в тот самый долгий день в году, и на протяжении ещё многих дней, и так продолжалось восемнадцать лет. Нестарый мужчина бросил

пить, Вера родила ему чудесных здоровых детей, и все четверо были мальчики, и всех называли Володьками, что мы?

Во дворе вон того дома из открытой дверцы автомобиля несётся лихой русский шансон («Отчего убивают таксистов? Оттого, что не слушают джаз»), зато в соседнем дворе кто-то подключил к усилителю гитару со звукоснимателем и задумчиво пробует аккорды. Пожалуй, многовато низких частот, но это не беда. Мало-помалу вырисовывается какая-то простенькая мелодия, а из подворотни напротив тянет сырým лиственным дымком. Мы пробуем на вкус это словосочетание — музыка с дымком — и неожиданно перед нами разворачивается, как сказал бы Годунов-Чердынцев, вся топография образа: от спонтанных студенческих вылазок на природу с обязательной шестистрункой, ящиком «Зверобоя» и костром, который сперва фиг разведёшь, а потом хуй задушишь, до какой-то совсем уже забубенной, киношно-бутафорской цыганщины, от которой ноги сами пускаются в пляс.

В этот холодный и солнечный денёк мы танцуем посреди древнего и чужого, завоёванного и отданного на разграбление города. Танцуем, расшвыривая по сторонам драгоценные слитки огня. Танцуем на старых могилах, танцуем на самой высокой пирамиде, танцуем на вытертом молитвенном коврике облачка с лиловым исподом, но у нас, увы, слишком грязные пятки. И хотя бы только потому:

НИКАКОГО будущего.

НИКАКОЙ религии.

НИКАКОЙ родины.

НИКАКОГО государственного строя.

НИКАКИХ документов, устанавливающих личность.

НИКАКОЙ работы.

НИКАКИХ денег.

НИКАКОГО благополучия.

НИКАКИХ, пожалуйста, детей.

НИКАКОЙ надежды на спасение.

И самое главное — никакой смерти, и кто это вообще придумал?

Мы будем танцевать в свеженьких кирпичных ульях босиком, с наглым ебалом и полными руками белых остро пахнущих цветов. Потому что этот мир — версия для бедных. Сделано в Малайзии. Хуже: мы сами наспех слеплены из обрезков в малайском тростниковом сарае, и единственная причина выйти под проливной апрель — надо успеть зацепить ещё пару-тройку холодных и солнечных дней, покуда наше новое весеннее пальто не вышло из моды. Но этот город, особенно в праздничном предгрозовом освещении, да, он широкоэкранный и убедителен, как голливудская историческая постановка. Потому что на все эти дела угрохана чёртова куча времени и усилий чёртовой кучи высокооплачиваемых профессионалов: сценаристов, камера-мэнов, постановщиков спецэффектов. Потому что мы счастливы, теперь счастливы, да. Потому что здесь нет ничего заслуживающего внимания, кроме маленького, жадного, лживого комариного счастья.

Обыкновенный старый деревянный дом, аккуратно и со знанием дела подожжённый, сгорает дотла, до нулевой отметки примерно за сорок минут. Пятнадцать-двадцать минут требуется пожарным машинам, чтобы прогрызть себе путь в тесных и тёмных лабиринтах частного сектора. Далее всё зависит от мастерства пожарных. Мы своими собственными глазами видели, как десятиметровое огненное дерево, выросшее из крыши одного рабочего барака, было выкорчевано в течение каких-то пяти минут, правда, пожарище скромно дымилось вплоть до самого утра, пока не разошлись последние разочарованные зеваки.

Зеркала, что ищут нас повсюду, требуя новой крови, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ. Картины в облупленных рамах, вопящие по ночам, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ. Книги, не украденные нами, книги в ярких твёрдых обложках и мягких обложках, в суперобложках и те, что скромно дожидаются своей участи на столике с табличкой «Всё — по 50 ру-

блей», нечестивые книги, в которых есть всё, о чём не упоминают Коран, Зоар, Упанишады и святой Хорхес, а также книги, повторяющие сказанное пророками ранее, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Грешники и праведники, ведьмы и девственницы с одинаково бледными растерянными лицами ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Брошенные женщины, трогательные беззубые младенцы, домашние животные ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Друзья, взыскующие телефонных звонков из серии «как живёшь» и какой-то там любви, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Красивые белые мальчики и девочки с кожей, как мёд, и слезами, как панорама далёких гор на выдохе, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Понятные стихи немолодых поэтов ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Прялки-скалки, веретена и картонные коробки с обёрнутыми в газетную бумагу артефактами жизни ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Фотографии мёртвых любимых, фотографии любимых мёртвых, мёртвые фотографии любимых, любимые фотографии мёртвых — ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Все вообще старые вещи, ненавидящие нас за то, что мы их разлюбили, ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

Запертые комнаты — в каждом доме есть как минимум одна запертая комната, где даже манекены молчат, а углы перемигиваются, — ПРИГОВАРИВАЮТСЯ К ОГНЮ.

И пусть этот дом горит, горит дотла. В нём давно уже никто не живёт. И этот, и этот тоже. Потому что мы сами собственноручно вынули глаза тем, кто здесь жил когда-то, — вот так, просто взяли и выковыряли дрянные их глаза при помощи мельхиоровых ложек.

Дорогие мои мертвецы. Мы ещё посмердим, повоняем.

В каждом доме есть Самая Главная Лампочка, хрупкая электрическая мышца в стеклянном мешочке-перикарде, ак-

кумулярующая в себе всё жёлтое зло этого места. Вывинтить её — всё равно что вырвать сердце из груди жертвы, стоя на вершине ступенчатой пирамиды, пока пламя целует стены. Самая Главная Лампочка неотличима от всех других в доме, от миллионов лампочек на свете, но отыскать её, в принципе, не так уж и трудно. Надо только прислушаться к своему маленькому доброму ангелу. Гораздо, о, гораздо труднее, вырвав стеклянное сердце из трухлявой деревянной груди, поднести его ко рту и съесть, медленно, медленно, медленно-медленно-медленно-медленно

пе-

ре-

жё-

вы-

ва-

я, давясь осколками, выплёвывая сгустки крови и ошмётки языка. И когда разойдутся края невысоких небес, тогда, может быть, нам наконец станет ясно, что, что мы, что мы здесь, что мы здесь делаем, мы, Тлалок, сводный брат Тласольтеотль-Пожирательницы нечистот, Тлалок, капризный бог урожая и засухи, Безликий Бог Четырёх Тыквенных Кувшинов, Тысячеликий Бог Змеиного Посоха, красный Бог Холмов за рекой, Тлалок, покровитель всех убитых молнией, прокажённых, эпилептиков и утопленников, Тлалок, Опрокидывающий Четыре Сосуда Гнева, Поджигающий Ваши Жилища С Четырёх Сторон Сразу.

2009

НЕЧТО КОСМОГОНИЧЕСКОЕ

(1) мир был слаб, и более того — не было опоры у него.
мир был глуп, и глух, и нем, и слеп. медленно черствел
всегдашний хлеб.

(2) кто-то вытер миру пот со лба. кто-то произнёс слова-слова.
кто-то распростёр крыла-крыла — и настали сразу свет и мгла.

(3) селезень нырнул на дно воды, в клюве притащил
сырой беды.
на беду поставил мор и глад, а на самой крыше — тихий ад.

(4) там живут мохнатые слоны в домиках из сахарной слюны.
а ещё весёлые хорьки там живут у медленной реки,

(5) дверь не запирают на засов, и никто не носит там часов.
времени там вырвали язык, нет ни компасов, ни мудрых книг.

(6) так что ты, дружок, не обессудь, если заплутал
в гнилом лесу.
если нет опоры под стопой, это время говорит с тобой.

(7) это время говорит с тобой, просто — тупо говорит с тобой
на родном нерусском языке, в золотом и близком далеке.

(8) видишь, в горнице светлым-светло. матушка
седлает помело.
на холме у завтрашней реки — ангелы, козлы и мотыльки.

2011 (?)

* * *

дом, окно, звезда²
он с островка своих квадратных метров
как в мёртвый океан смотрел во мглу
и льнуло одиночество предметов
пустым лицом к промёрзшему стеклу
вон тот вращался в асфальт а та светила
одна на целом свете нет одна
во мгле и скулы от тоски сводило
стоявшему в раздумьях у окна

(он думал так будь вымолвлено слово
чтоб дом стал домом а звезда звездой
и не прорвётся демонская свора
в зазор меж той и этой пустотой
заветное нестреляное слово)

февраль скрипел и завывал и мёл
над крышкой многоярусного гроба
мерцали тускло вещи без имён
и сам он был бесформен как амёба
он был цветком в растрескавшейся вазе
минутной стрелкой башенных часов
но тут его позвали он был назван
по имени и он пошёл на зов
из кухни в комнату на свет на запах

---

² Это стихотворение было написано Алексеем Сомовым перед последней госпитализацией на залитом кровью листе бумаги и перепечатано наследницей поэта, Асей Мутушевой.

(омела? мускус? водорослей ком?)
и пламя выбившись из тёмных пазух
лизнуло осторожным языком
низ живота и мрак наиярчайший
объял и вынул и понёс в когтях
его глаза смятенные когда
над женщиной склонившись как над чашей
в её зрачках расширенных себя
узнал и две змеи сплелись шипя
в стальной клубок и яд истёк сладчайший
и пал рассвет с янтарного серпа

.....
а после как простреленный навывлет
опять в окно бессонное смотрел
и то что он там видел и не видел
важнее всех непрожитых смертей
представилось на миг а там всего-то
редела мгла народ спешил к восьми
кляня судьбу шатаясь от зевоты

и вечность оставалась до весны

* * *

Разочтясь с судьбой привыкая быть публичным
неминуемо обзаводишься чем-то лишним
жировыми складками наглым еблищем
френдами что грозят судом Линча

а ты такой счастливый и немного косой
наблюдаешь вдумчиво и любовно
как Господь отрезает от жизни ещё один кусок
улыбаешься и шепчешь
а мне не больно

2010

БАЛЛАДА О РУССКОМ ШАНСОНЕ

В эту ночь я бесцельно шатался
По кварталам греха и тоски
И в тумане сыром поравнялся
С неким зеленоглазым такси.

Подивившись карете, возникшей
Световому подобно лучу,
Крикнул я что есть мочи: «Возничий!
Я два счётчика нынче плачу.

Слышь, брателло, вези меня, милый,
Хоть в Пекин, хоть в Тибет, хоть в Пассаж,
Только б век не видать — до могилы —
Этот несуггестивный пейзаж.

Эти улицы, эти аптеки,
Фонари и тэ дэ и тэ пэ,
Заведения, бля, дискотэки...
Я надеюсь — понятно тебе?»

Ты кивнул, лишь поморщился хмуро,
Слыша модный пацанский прононс.
Громче сотни сердец Бонивура
Застучал твой мотор — и понёс.

В такт движенью качаяся зыбко,
Задремал я в салонном тепле,
Но разбужен был адской музыкой,
Лишь коснулся ты кнопки Play.

Словно тыща чертей завывала...
Ах, прощай же, небес синева!
Чёрным лебедем лесоповала
Плыл изысканный Кучин Иван.

На волнах казематного драйва
Мы неслись в безвоздушный простор.
И пригрезился некто кудрявый
В крепдешиновом платье простом...

Так и помер бы я, прозябая,
И в неведение вышел в астрал,
Каб не лекарь души Розенбаум
И Владимирский родный централ.

«Пожалей меня, сделай потише,
До греха только не доводи!»
Ты, братан, той мольбы не услышал
И ещё подкрутил DVD.

Ты терзал меня песнями Круга,
И Петлюрой до кучи потом.

.....

...А потом: «Мы с тобою друг друга
Недопоня...» — разорванным ртом

Прохрипел, оседая всем телом
На холодный осенний асфальт.
А в душе моей пело... так пело,
Что не знаю, братан, как назвать.

Телефон и бумажник. Всё чисто.
На часах — пополуночи час...
Почему убивают таксистов?
Потому что не слушают джаз.

2009 (?)

БАЛЛАДА О ВЫБОРЕ

Tribute to Юрий Левитанский

каждый выбирает по себе
женщину/религию/гарроту
ипотеки/зимние курорты
карты-деньги/жизнь-велосипед

каждый выбирает для себя
дьявола исуса или ктулху
надувную/плюшевую куклу
чтоб не страшно было засыпать

каждый выбирает из себя
щепочками каловые массы
волоконца девочкина мяса
намертво застрявшие в зубах

дом/друзья/работа и семья
ближнее и дальнее загробье
между слов и снов/кишок и рёбер
каждый выпирает из себя

2010

* * *

Одна девочка, которую я потом очень сильно любил,
сказала, послушав меня ровно пять минут
(а я пересказывал содержание какого-то фильма),
она сказала: «Странно»,
она сказала это: «Странно, что тебя до сих пор»,
ты сказала, Ксения: «Странно, что ты до сих пор живой».

Я прислушиваюсь к работе,
которая происходит внутри меня, и тоже удивляюсь.
Я два раза был в коме, два раза — под судом
(оба раза — по обвинению в нанесении
телесных повреждений средней тяжести),
дважды меня хуячила эпилепсия,
плюс две трепанации черепа.

Очень странно, что меня никто не пырнул ножом как следует,
не ударил, подкравшись сзади, свинцовым кругляшом,
упрятанным в женский чулок
(впрочем, с некоторых пор я оглядываюсь
на неосвещённых улицах
и ношу с собой нож тюремной работы).
Из оскорблённых мной можно составить небольшую
сучью зону.

А ещё мне иногда очень хочется умереть от стыда за то,
что бывает по обе стороны моего взгляда.
(Но я ведь знаю, что я и вы, мы все останемся живы.
По этому поводу можно возрадоваться прямо здесь.)

Тем не менее мир всё так же непостижимо зелен,
а кровь внутри меня продолжает делать своё красное дело.
А я всё пересказываю тебе
тот фильм,
моя постаревшая детка.

2008 (?)

* * *

Под височной кожей голубой,
словно паучок в аптечной склянке,
в каждом мальчике томится ангел.
Отпустите ангела домой.

Отпустите ангела домой,
напоите горьким сонным зельем,
после — закопайте глубже в землю,
только чтобы в небо головой.

Словно в клетке, лёгкой и простой,
сделанной из лепестков шалфея,
в каждой девочке скучает фея,
запертая ласковой рукой.

Ласковой отеческой рукой
отоприте золотую дверцу,
вырвите из слабой грудки сердце.
Съешьте сердце. И придёт покой.

2008 (?)

Александр КОРАМЫСЛОВ

НИЧЕГО, КРОМЕ СВЕТА

К сорокалетию Алексея Сомова

С Алексеем Сомовым мы познакомились 5 июля 2001-го в Воткинске, на крылечке городского Музея истории и культуры, где я тогда работал и куда он приехал для нашего совместного выступления с двумя моими новыми друзьями — ижевскими поэтами Сергеем Даниловым и Даниилом Клеоповым. На этой встрече, названной мной «Макушки лета», он прочёл в том числе одно из лучших своих ранних стихотворений:

*...Знаешь, вечное бремя забот и сует
брать с собою в дорогу — плохая примета.
Только радость и свет, только радость — и свет.
Только радость и свет — ничего, кроме света.*

*Что ж ты губы кусаешь, и хмуришь чело,
и опять обречённо взыскуешь ответа
в этом мире, где вечного нет ничего,
в этом мире, где нет ничего, кроме света...*

Общение продолжили у нас дома, где Алексей с молодой женой, художницей и поэтом Зиной Сарсадских, остались до следующего вечера. Он уже тогда не был «белым и пушистым», это сразу чувствовалось — но мы, естественно, нашли много общего и, конечно, подружились.

Вскоре, 2 августа, мы с супругой приехали с «ответным визитом» к ним в Сарапул, где я и Сомов вместе с тем же Клеоповым читали стихи в галерее «О'берег». Через некоторое время по поводу наших совместных выступлений у него появилось такое:

ДЕКЛАМАЦИЯ

Саше и Даниилу —
с любовью и чёрной завистью

*Мои друзья читают нараспев,
враскачку, словно мудрецы над Торой,
имея оглушительный успех
в пределах небольших аудиторий.
Я ж — из породы мямлей и заик —
в растерянности, страхе и печали
кривляюсь и немотствую за их
почти обронзовевшими плечами.
И строчки сами громоздятся встык,
бессовестно гнусавы и картавы —
и комкаю неблагоприятный стих,
застрявший в обезвоженной гортани.*

Мои друзья читают нараспев...

2003

Много позже он напишет в одном из рассказов: «Я ненавижу читать свои стихи вслух». Однако читал при мне неоднократно: и на публику, и в узком дружеском кругу, — по-моему, хорошо.

Тогда же не участвовавший в боевых действиях Алексей показывал мне свои первые опыты в прозе, отпечатанные на старой пишущей машинке. Это были два суровых по содержанию небольших рассказа о чеченской войне (опубликованными их не видел). После он делился со мной, что в прозе пытается проговаривать то, что «не допускает» в стихи, — злое, тёмное и т. п., мучающее его и ищущее выхода. Стихи же того периода были преимущественно драматичны — но, в общем, без лишних надрыва, эпатажа и т. п. А его так и не опубликованная книга, готовившаяся в то время к печати в ижевском издательстве «Удмуртия», должна была носить характерное (без постмодернистских изысков) название

«Заутреня». Кстати, к поэтическому становлению Сомова был причастен его старший друг, замечательный сарапульский поэт-«традиционалист» Владимир Фролов, с которым тот общался с ранней юности.

Осенью того же 2001-го года в Ижевске образовался Союз литераторов Удмуртии — неформальное объединение, куда вошли и мы с Сомовым, — и поводов для встреч стало больше, уже на нейтральной территории. Помогали общению электронная почта, иногда телефонная связь (ещё не сотовая). Постепенно осваиваясь в Интернете, в 2002-м я открыл для себя один из первых и лучших литературных сайтов со строгой и внимательной редактурой — «Сетевую словесность» — и сразу стал с ним сотрудничать, призывая к этому же своих пишущих друзей, собирая их тексты и отсылая главному редактору, веб-мастеру проекта Георгию Жердеву. Первым из Удмуртии после меня на портале был опубликован именно Сомов, ставший с тех пор постоянным автором портала, — сначала при моём посредничестве, а потом и самостоятельно (на его персональной странице¹ собран основной корпус текстов, за исключением самых ранних и написанных после января 2011-го).

В том же 2002-м у Алексея и Зины родился сын Илья, семейных забот стало больше, так что виделись мы редко. Но метко. И время от времени посвящали друг другу стихи. Вот одно моё, перекликающееся с процитированным выше:

*Выходя из себя, не гаси в себе свет.
Пережжёшь свои пробочки — ну а потом как?
В этой сумрачной жизни печальнее нет,
чем блуждать, возвратясь, в угловатых потёмках.*

*Сторонясь электричества, тихо начни
добрый смех подключать, обесточивать хмурость.
Выходя из себя, оставляй хоть ночник
непогашенным — чтобы душа не споткнулась...*

---

¹ <http://www.netslova.ru/somov>

А вот — его:

А. Корамыслову

Сверим часы. Архангелы стаями
тянутся к югу. Иллюзии стаяли.
Кем бы ни были, чем бы ни стали мы, —
всё-таки чуем
разницу между удачей и счастьем,
между последним — и первым причастием,
тайной — и чудом.

Чудо — понятно. Тайна — прельстительна.
Думаю, тайне оно и простительно:
беженка, приживалка,
путает, мямлит, скрывает, скрывается,
просит займы — а голос срывается:
и непотребно, и жалко.

Чудо бывает единожды явленным.
Глянь — к палисадникам, крышам и яблоням
тянутся белые сходни.
— Мало? Не верите? Нате вам, олухи:
цвет на траве и радуга в облаке,
лето Господне!

Здесь — преломление и отражение.
Здесь — и победа, и отрешение,
шпиль и основа.
Всё в этом мире не нами заверчено.
Капай, смола. Гори, семисвечие.
Бодрствуй, рубанок, — и раньше, чем к вечеру,
лодка будет готова.

Будучи активным сторонником новой поэтической формы — танкеток, появившихся весной 2003 года, — я пытался привлечь к занятиям ею и Сомова, поначалу безуспешно. Однако через несколько лет, уже добровольно и глубоко погрузившись

в Интернет, он стал одним из постоянных и плодovitых авторов в этом жанре, а его тексты были и остаются одними из лучших в проекте «Две строки / шесть слогов»². Лично я, например, особенно часто вспоминаю

*гугл хром
крив и горбат*

И ещё:

могила говорит

*а теперь
горбатый*

Иногда мы даже сочиняли танкетки вместе, буквально на ходу. Таков, скажем, мой посвящённый ему цикл танкеток, написанный с его же подачи:

*почки
это пиво*

*печень
это водка*

*сердце
это Господь*

Алексей, между тем, набирал обороты и в короткой прозе, постепенно становившейся всё интереснее — и вместе с тем всё inferнальнее. Его произведения два года подряд входили в сборники «Уксус и крокодилы: 38 лучших рассказов 2006 года» и «Беглецы и чародеи: 39 лучших рассказов 2007 года» (составитель Макс Фрай), опубликованные в петербургском издательстве «Амфора». А его стихи стали востребованы ещё и в мире поп-музыки: так, известный компози-

---

² <http://26.netslova.ru>

тор и продюсер группы «Корни» Игорь Матвиенко в 2007 году написал для неё популярную в то время песню «Ей везёт» — на слова Сомова...

Примечательный факт: наш Союз литераторов Удмуртии объединил — и не формально, но глубоко, творчески и лично — троих Анатольевичей: Алексея Анатольевича Сомова, Дениса Анатольевича Бесоногова и меня. Увы, теперь в живых остался лишь один. Первым добровольно — хотя я склонен считать, что зловольно, — покинул этот мир талантливый и многое успевший (а сколько не успевший!) сделать в поэзии Бесоногов — в сентябре 2003-го, едва отметив своё тридцатилетие... Помимо всего прочего, его гибель нанесла по нашему кругу удар — без преувеличения, непоправимый и очень болезненный. Алексей, считавший Дениса не просто другом, но братом, написал тогда трагическое по сути эссе «Блаженство присутствия»³ и несколько пронзительных стихотворений его памяти. В том числе это, отсылающее к стихотворению Бесоногова «Падение в бездну по расчёту»:

*постучатся войдут и встанут рядом
встанут рядом будто навек застынут
озираются ищут чего-то взглядом
а в глаза не смотрят боязно или стыдно
а потом всю ночь поют негромкую песню
и уходят прочь по дорожке ковровой пыльной
и идут к дверям чтоб упасть за порогом в бездну
и в дверях говорят позвони мне на мой могильный*

Вообще, Сомов писал о смерти много и часто — и в стихах и в прозе. С детства не вполне здоровый, перенёсший несколько тяжёлых операций, потерявший в ранней юности мать, в молодости — отца и нескольких друзей, он эту тему знал хорошо. Увы, она его — тоже. В холодном июне 2007-го пришла страшная весть: погиб единственный ребёнок Алексея и Зины — пятилетний Илья...

Похоронив сына, родители расстались, Алексей стал жить один (как он выражался, не в Сарапуле — а в придуманном

---

³ См. настоящее издание.

им «Тугарине»). После этой трагедии — разумеется, сильно изменившей его внутренний мир, — стало меняться и творчество Сомова. Стихи становились всё резче и жёстче, упомянутая inferнальность стала прорываться и в них, текст за текстом отвоёвывая всё большее пространство.

Что касается бытового поведения Сомова, то лично я и прежде замечал его эпизодическую агрессивную неадекватность в общении с людьми (как виртуальном, так и реальном), в том числе с незнакомыми. При нечастых наших встречах в Воткинске (он сам приезжал повидаться...) это иногда, к сожалению, доводилось наблюдать воочию. Меня самого порой физически потряхивало при его вполне мирном поведении — такую энергетику в определённые моменты он излучал. Алкоголизм? Да, и он тоже. Теперь говорят, что в этом повинна его серьёзная болезнь, от алкоголизма прогрессирующая, — но сам Алексей до поры всячески отвергал подозрения о своих возможных недугах...

В последний раз он приехал ко мне в ноябре 2009-го, только что став редактором отдела прозы «Сетевой словесности». Я был откровенно рад за друга — и мы тогда в целом хорошо и насыщенно провели вместе несколько дней.

Но спустя месяц буквально на ровном месте вдрызг разругались в ЖЖ — из-за его невыносимого хамства. Я был искренне поражён: человек за пару недель до того публично изъяснялся в самых добрых чувствах ко мне — и вдруг... Дальше — больше: оскорбительные «пародии» и другие грубые выпады с его стороны (беспричинно доставалось даже моим жене и родителям), вплоть до нелепых обвинений меня в стукачестве, совсем не способствовали возвращению к нашим прежним отношениям. И всё это происходило на довольно безобразном фоне других его сетевых скандалов и внешне эффектного фоне поэтических публикаций, где от прежней «светлой» лирики мало что оставалось. Да, развитие таланта безусловно происходило — но направленность этого развития лично я воспринимал как гибельную для самого автора. Об этом я честно написал в статье «Драйверам личных газетвагенов, желающим перестать беспокоиться и начать убивать», открывшей целую дискуссию о творчестве Алексея Сомова на портале «Мега-

лит». Пожалуй, здесь я несколько переусердствовал в оценках (в частности, об изобретении Сомовым нового типа русской поэзии — «снафф-поэзии»), но основные положения мне и сейчас представляются верными...

Вскоре разразился очередной сетевой скандал, в котором Сомов, пытавшийся опозорить несомненно честного литератора, редактора, человека и его дело, — в результате донельзя опозорился сам, лишился редакторского поста в «Сетевой словесности» — и прочая, и прочая. Всё это я наблюдал с печалью, видя, как день за днём сужается круг людей, прежде не понарошку любивших и уважавших Алексея, а теперь в лучшем случае разграничивших для себя Сомова-поэта и Сомова-человека. И не менее грустно было наблюдать, как расширяется влияние «мрачной бездны» в его стихах...

Тем не менее некоторые авторитетные издания охотно печатали новые тексты Сомова, иногда даже объединяя нас под одной обложкой (допустим, журнал поэзии «Воздух» № 4 за 2011 год в рубрике «Откуда повеяло: Русская поэтическая регионалистика» представил современную поэзию Удмуртии только двумя подборками — Сомова и моей). А затем на «Новой литературной карте России» появилась его персональная страничка⁴.

Потом доходили смутные слухи о его нездоровье, трудном лечении — и это тоже было огорчительно. Иногда очень хотелось написать ему — как минимум чтобы помириться. Но, в очередной раз прочитав посты в его блогах (один из которых в последние годы назывался «Светолов» — увы, далеко не всегда соответствуя содержанию...), с очередными вывертами и издёвками над чем угодно — даже над свежими могилами, — я свои порывы сдерживал. Полагая и надеясь, что в скором времени он поправится, преодолеет затаянную тяжесть в своём творчестве, а наше примирение обязательно сбудется — тем более что (как мне потом сообщили) Алексей в последнее время сожалел о нашем конфликте. Увы, не успели...

Буквально «загнав» себя, жарким днём 13 августа 2013 года тридцатисемилетний Алексей Сомов скончался от сердечного

---

⁴ <http://www.litkarta.ru/russia/izhevsk/persons/somov-a>

приступа в своей практически никем не посещаемой квартире, где и пролежал ненайденным ещё почти две недели...

Очень обидно. Для всех нас. И в особенности — для Удмуртии, где поэты (равно и прозаики) подобного уровня — большая редкость. Слава Богу, остались его стихи и другие тексты — собственно, единственное, что остаётся после смерти от поэтов.

*...в этом мире, где вечного нет ничего,
в этом мире, где нет ничего, кроме света...*

но все псы будут с ангелами

О ЧУДЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ. THE FINAL CUT

чтобы волос с твоей головы не упал
чтобы свет глаза не колот —
наблюдают за всем отец Леопард
и химический брат Аксолотль

предстояние в битве богов и машин —
вот занятие для мужчин
благ, кто в вены вливал алкоголь и морфин
кто гяуров без счёта мочил

и за это за всё распахнутся врата
твердь расступится как вода
миллионами вольт поползут изо рта
разноцветные провода

у берёзок узнай, у елей спроси
каково пережёвывать грунт
и кому хорошо воскресать на руси
в вертикальной могиле по грудь

есть забвения дар, горяч и тяжёл
и спасает мир слепота
чтобы снег на кошачьих лапах шёл
и гремел как ртуть листопад

2010 (?)

* * *

Данику, никуда

*(в голодной тихой комнате смотри
простое колдовство на раз-два-три)*

И раз
весну прорвало как нарыв
тяжёлой кровью семенем и гноем
на улицах набрякли фонари
а у моей любви промокли ноги

*(как будто бы не я и не с тобой
в другой стране
с изнанки мостовой)*

И два
допустим ты моя любовь
дворовый мальчик голубой лисёнок
смешливый демон хищный полубог
капризный и насупленный спросонок

*(с изнанки уваженной земли
твои глаза цветами проросли)*

И три
я всё равно с собой возьму
заныкаю подальше и надольше
вот эту вот сопливую весну

ледышку
лодочку
озябшую ладошку

Сентябрь-октябрь 2010

ДОМ ДЕТЕЙ

Ко-
ри-
доры
лестницы горбатые
в доме пусто в доме никого
Мотыльки сами в руки падают
только на булавку наколоть

Пе-
ре-
ходы
сонные чуланчики
замурованные голоса
На тарелках сладости вчерашние
кукольные синие глаза

Раз-
бе-
гутся
пыльные горошины
заскрипит слонёнок заводной
Поиграй с ними по-хорошему
пошути по-доброму со мной

Мно-
го
мё-
да

в косточках черешневых
только чур об этом уговор
На тарелках сладости вчерашние
в доме пусто в доме никого

А
в са-
ду
пауки противные
ткуют и ткуют пряжу досветла
топкий бред сполохи крапивные
серый камень
мокрая листва

2009 (?)

О ЧУДЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Мальчик болен,
у его кровати —
областной консилиум святых.
По обоям скачут акробаты,
вянут осторожные цветы.
Приезжал фальшивый кирасир,
весь такой в дурацкой медной шапке,
пуговицы больно хороши,
золотая сбруя на лошадке.
Потолок жужжит, жужжит, вращается,
незнакомцы лезут, лезут в окна,
и отец зачем-то превращается
в поролонового волка.
Мальчик больше не получит троек.
Он в расположении теней
что-то важное вот-вот откроет —
лунный кратер, новый континент.
Комната наполнится озоном,
кончится ужасный рецидив,
свет навалится,
огромен и осознан,
расцветут бумажные цветы.

2009 (?)

ЧЕТВЁРТАЯ ГОДОВЩИНА

Илье

Смерть пахнет как сирень, замешенная с мёдом,
а глиняная плоть рассыпчата, ломка.
Ко мне пришёл пацан, пришёл себе и смотрит
сквозь полумаску Человека-паука.

Он курит в кулачок, с оглядкой, как злостный
прогульщик и бандит, — он курит, бог ты мой!
Сквозь зубы сплёвывает длинно, будто взрослый,
и говорит: бери сирень, пошли домой.

Мой мальчик повзрослел на смерть, четыре года
и невернадцать дней, я всё забыл давно.
Теперь он на других широтах и долготах
живёт вниз головой, как супермен в кино.

И словно бы не я слепил тебя из праха.
И словно это я четыре года мёртв.
И зачерствелый хлеб, и молодая брага,
и волосы воды, и пот, и дикий мёд, —

всё пахнет об одном, легко, тревожно, гнило,
и день в прогале штор некстати рассинел.
Хоть это не забыть: июнь, сухая глина
и смертная сирень.

2011

ТРИ ВЕРЛИБРА

I.

Ты не поверишь,
но все псы будут с ангелами
на небе. У отца был эрдельтерьер Джим,
когда я приходил, он вылетал в коридор
и с размаху ударялся слюнявой мордой
мне в лицо (по ощущениям —
как если бы приложил боксёр-любитель
в среднем весе). Джима хоронили
на пустыре за домом, в конце ноября,
когда землю схватило морозом, она была
твёрдая и сердито звенела под лопатой,
отказываясь принимать то,
что было завёрнуто в старое покрывало.
А на следующее утро я вышел покурить
на балкон, и оказалось, что ночью кто-то здорово
потрудился, убрав вон те и вон те дома, оставив
лишь одну панельную пятиэтажку,
которой лет как мне. Впрочем, теперь она
была заново выкрашена в легкомысленный
яичный цвет. По улице шли люди, одетые
в странные, будто из картона
вырезанные пальто, на головах у мужчин
были шляпы, у женщин — смешные круглые папахи,
на дворе стоял жутко холодный апрель
1976 года, мы с тобой только что переехали
в новую квартиру, где ещё пахло строительной мастикой,

и какая-то женщина, чудесным образом
не ослепшая и не умершая через несколько лет
(откуда-то я знал это совершенно точно),
смотрела на нас снизу вверх,
щурясь от солнца, и махала рукой, и улыбалась.
И я сказал тебе:
«Ты не поверишь...»

2011 (?)

II.

Двадцать четыре года своей жизни
я прожил на верхних этажах, под самой крышей,
а потом ещё семь — в самой серёдке
густозаселённого девятиэтажного улья.
Поначалу было странно слышать шаги
соседей над головой, не менее странно,
чем твоё дыхание каждую ночь совсем рядом,
плач ребёнка или шум лифта
за тонкой стенкой (там, где я прожил
двадцать четыре года, не было лифта) —
как ему не надоеет ползти то вверх, то вниз,
содрогаясь в узкой шахте, будто сглатывая комок.
Каким-то образом я всегда
угадывал, остановится ли он на нашем,
четвёртом, или проедет мимо.
Теперь я снова живу на последнем этаже дома,
в котором лифт не предусмотрен проектом.
Я убеждаю себя, что ничего не
изменилось, абсолютно ничего, и даже порой
слышу за стенкой знакомый спотыкающийся шум.
«Нет, это не к нам, это на третий, шестой или девятый».
.....
А на самом деле где-то снаружи
льёт дождь.

III.

Это искусство
носить недорогие шмотки с таким видом,
будто ты король в изгнании и единственный
не догадываешься об этом, делать
одни и те же ошибки при заполнении важных
казённых бланков, наблюдать за развитием
облаков при помощи некоего инструмента,
спрятанного в мозжечке, бесить самим фактом
своего существования бухгалтеров во всех редакциях,
забывать о человеке, как только он выпал
из поля зрения, принимать подарки не кобенясь,
лгать любимым с улыбкой, глядя в глаза просто и ясно,
каждой весной умирать от счастья, перед каждой
женщиной открывать невидимую дверь,
прятать от себя ножи и прочие колюще-режущие предметы,
редко просить, а если просить, то таким голосом,
что отказать невозможно, разговаривать с маленькими детьми
как с очень важными персонами (может быть,
тоже царской или ангельской крови), памятуя
об их месте в иерархии Луны,
наслаждаться алкоголизмом,
говорить «спасибо».

2011 (?)

СИМВОЛ ВЕРБЫ

Мне рассказывал прадед, суровый солдат
что учёные химики из Аненербе
обнаружили в глыбе весеннего льда
руны тополя, выдры и сломанной вербы

Здесь на Марсе любой малолетний фашист
знает: этих древесных пород сочетанье
суть всему карачун и окопные вши
коих дикие предки ещё почитали

Ну а выдра, жующая собственный мех
означает вторжение скопцов и метафор
как услышишь их гром, повредишься в уме
сам собою в цыганский запросишься табор

Сорок тысяч цепных лорелей и гертруд
из волос эти дивные руны связали
и повесили мальчикам светлым на грудь
и омыли своими слепыми слезами

Но в горячем краю заколдованных сфер
где светло лишь одним механическим совам
умирал ни за фенниг железный рейхсвер
в голубые гроба сапогами впрессован

А в берлинских руинах бушует цинга
и кривая шарманка насилует нервы
и медведи ведут говорящих цыган
в глубину подземелий сырых Аненербе

* * *

А здесь в июне в Захребетье
на жёрдочке щебечет Беккет
и небо-небо в окнах-окнах
висит стерильно и дамокло

раз — выкупаться, два — смотаться
в неближний водочный сезам
из холодильника Митасов
записки шлёт в притихший зал

В маршрутке бьёт копытом Чехов
бок о бок с влажными людьми
дай бог им счастья и успехов
и прочей всяческой любви

Жара опять врубает Сартра
и сон отринувши дневной
пацан с десятого детсада
следит, засунув палец в нос

как в небе кафельном ползёт
почтовый синий вертолёт
размазав буквы по борту
с ворчливой песенкой во рту
.....
Летит волшебник на работу
с весёлым грузом на борту

* * *

По небу полночи фюрер летел
и кровушки русской хотел,

и жидкую бомбу из девичьих слёз
в когтях он изогнутых нёс.

Он пел о блаженстве хрустальных лесов,
о щёточке черных усов,

и люди, что слышали сладкий тот зов,
во сне превращались в сов.

2011 (?)

* * *

Вот такая это небыль, вот такая это блажь.
Улетает шарик в небо — тише, маленький, не плачь.
Он резиново-атласный над тобой и надо мной —
синий-синий, прямо красный, небывалый, надувной.

От любви и от простуды, обрывая провода,
ты лети скорей отсюда, никуда и навсегда,
выше рюмочных и чайных и кромешных мелочей,
обстоятельств чрезвычайных и свидетелей случайных —
Бог признает, Бог признает, Бог признает, кто и чей.

Если веруешь, так веруй, улетаю, улетай.
В стратосферу, в стратосферу, прямо в космос, прямо в рай.
Вот такая это небыль, вот такая это блажь.
Улетает мальчик в небо. Улетаешь, так не плачь.

Над снегами, над песками, над чудесною страной —
ты лети, я отпускаю, воздуш шарик надувной.
Выше голубей и чаек, мусоров и попрошаек,
новостроек обветшалых, сонных взглядов из-за штор —
ты лети, воздушный шарик,
Бог поймает, если что.

* * *

убийца и убитый спят в обнимку
тому двенадцать, а другому десять
(их маленькие бесы тоже спят)
их сны как праздничные фотоснимки
где горизонт с собой играет в прятки
а перспектива убегает вспять

и кажется, что это всё неправда
дрянная шутка, опечатка в тексте
что им ещё чудесно повезёт
и не поднимет камень брат на брата
а бесы сладко спят
как только в детстве
сопя в противотакт и сдвинув пятки

и наглухо завален горизонт

ХРОНИКИ ПОДЗЕМНОГО ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ (II)

На Луне придумали такое —
там есть море скорби и покоя.
Но, сказать по правде и секрету,
никаких морей там вовсе нету.
Заблудившиеся космонавты
населяют лунные ландшафты,
все гуляют в праздничных скафандрах
и поют-играют на кифарах:

«Хорошо нам — что бы ни случилось,
остаются правильные числа.
Оттого-то в шерстяных могилах
мы хороним наших мёртвых милых
и в чудесных глиняных ретортах
зачинаем наших новых мёртвых.
Мир пребудет тот же, что и раньше, —
ядовито-зелен и оранжев.
Мир пребудет золотой и зряшный,
молодой, бесстыдный и нестрашный».
.....

На Луне придумали такое,
что до Господа подать рукою.
Но, сказать по правде и секрету,
никого там не было и нету.
Только бриллиантовый лишайник
оживляет лунные ландшафты.
В лунном грунте, в ледяных каморках
спят спокойно лучшие из мёртвых.

2011 (?)

ЧУЖОЙ СОН

Тот сон был сделан из воды и глины,
холодного расстрельного дождя
(ты говорить об этом не должна).
Вода уже до горлышка дошла,
а сон был длинный,
как спор двух полоумных чудаков,
как бы друзей, а присмотришь — врагов,
и ямина осклизлая меж ними.

Один (в упор не вспомнишь, кто таков)
как будто с мягким треугольным нимбом,
другой с ехидной мордочкой зверька,
а может, в хищной зооморфной маске,
а может, в доме не было зеркал,
и он себе лицо придумал наспех,
а может быть (не говори, забудь
и этот сон, и как меня зовут).

Один как будто в чём-то убеждал
другого, зверолицего и злого
(да только вот беда, ну вот беда,
не разобрать ни слова, ни полслова,
и сон, как оборванец, убежал,
и вспухла глина, и пошла вода
из всех моих естественных отверстий,
и встала яма, как звезда, отвесно,
голодная, глумливая звезда).

Не говори, не помни, не пиши.
Такие сны, сестра, скучнее яви.
Я отдал бы полсмерти, полдуши —
чтобы узнать, да, только бы узнать,
о чём поспорили у края гиблой ямы
два дурака, два брата, два поэта,
как бы враги, а присмотрись — друзья.

Но никому не говори об этом.

СОН АСТРОФИЗИКА, ИЛИ НИБИРУ В ГОЛОВУ

I.

Астрофизика снится чужая жена
в ледяной безразмерной кухлянке
ни светла ни грустна ни мертва ни жива
мутен взор и дыхание хладно
Антиподы коварны хитры и наглы
подбираются к отчим ярангам
Всем нетронутым девам навалют на клык
и поставят всех отроков раком
Только б тонкой иголкой проткнуть родничок
загадать три посмертных желанья
и берёзовый ток сам собой потечёт
как вода ножевая

II.

Астрофизика снятся земные моря
он бормочет под клетчатым пледом
Ах Гренада Гренада Гренада моя
я вчера не вернулся из плена
Антарктида моя ты под игом врага
я не знаю как это словами
запихай меня лучше как шавку в рукав
в жёлтый ад африканской саванны
Там пребудет могила моя горяча
и ромашки поклонятся в ноги
там меня повстречают братки кореша
там дождёмся подмоги

III.

Астрофизику снится отвал головы
вынос мозга прощанье с Матёрой
И последнюю речь он тогда говорит
обращаясь к пустым мониторам
Легкой тенью газуй

быстрой мухой лети
среброкрылый койот-письмоноша
пусть по левую руку старуха Итиль
горбит свой голубой позвоночник
а по правую руку сестрёнка Янцзы
месит грязь в расцарапанной ранке

.....
.....
.....
.....

Там я вырву мой грешный нерусский язык
и повешу над входом в ярангу

2009 (?)

СНЕГИРИ UPGRADE

Асану Исаеву

Не оставлю тебе уж прости-извини
ни кола ни двора ни воды ни земли
Дам в подмогу тебе говорящего пса
а ружьё как-нибудь раздобудешь и сам

А в награду тебе я придумал врага
потому что всё-всё снегопад и пурга
кроме кислой как брага и едкой как дым
клочковатой неправды
посконной вражды

И ещё непонятное есть существо
две руки две ноги называется скво
темнота меж ушей и зверёк между ног
вот она-то тебя и погубит сынок

Будь в услуду тебе и кумыс и варган
если враг постучится уважь и врага
пусть с ножа оплывает малиновый воск
и урчит на кошме светлоглазая скво
и на чёрством снегу до полярной зари
дымный потрох собачий клюют снегири

2010

PET SEMATARY

снилось мне
как будто бы животные
все, которых я любил и знал
враз вернулись, требуя чего-то
заскребли когтями в двери сна

заодно из чёрной книги джунглей
с той ли стороны счастливой смерти
принесли в зубах, оскалясь жутко
весточку о предстоящем свете

впереди псиглавец Христофор
в волчьей рясе, золотом расшитой
и такой заводит разговор
сучьих потрохов моих рачитель

хватит, говорит, лепить отмазки
о двуногой плакаться душе
ангелы господни — лунной масти
от хвоста до кончиков ушей

рай заполнен божьими зверьми
коих не окликнешь, не погладишь
им не надо воли и земли
сахарных костей, собачьих кладбищ

но до света умные животные
те, которых знал я и любил

лижут руки горячо, щекотно
наклонив сияющие лбы

2011

INTRO

лисы небесные, совы дневные,
гончие псы из немецкого плюша,
вы, аллигаторы надувные
с круглыми пуговичными глазами —

ныне собирайтесь в игольчатый терем
сказки послушать,
за смерть побазарить

се заклинаю вас на росомашьем,
дивные демоны скважин замочных
с телом стеклянным —
мухой изыдите (4 раза)

вы же, которые сказаны выше,
варом садовым покрепче замажьте
спилы древесные, щели дверные
будьте со мной воробьиною ночью,
совы дневные,
лисы небесные

2010 (?)

ДУША СВИНЬИ

Душа свиньи растёт в аду
цветёт единожды в году
и тамошний адовник берёт её в ладони

Пока железные жуки обгладывают лепестки
свинья херачит виски ведёт себя по-свински
и напевает на ходу
Душа моя цветы в аду
покуда у обрыва я вверх втыкаю рыло
Расти пучком моя душа
как снежный холм воздушный шанкр
Пускай кричат Ату ату Я знаю истину одну
она как яблоко проста
Земля безвидна и пуста
просты у бесов имена и светел свет а тьма темна
Ты изойдёшь на семена тебя проглотит синева
как кровь густа венозна
Тогда во ад вернёмся

2010

* * *

Есть птичий ад и Страшный суд зверей.
Ещё играет сирая свирель
как бы во сне,
но слушателей нет,
и сердце не вмещает кровотока.
А ты держись, покуда ярок снег,
зачем тебе другой неближний свет —
зимой в раю счастливая охота.

Держись во имя всех твоих врагов
на ниточках дымящих потрохов,
прихлёбывай из браконьерской фляги
за здравие прищуренных богов.
Пока свирель,
полна сама собой,
насвистывает ужас и отбой,
и стаи бронированных волков
заходят за флажки с обоих флангов.

2010

К Д***

ты куда опять запропастилась
за какие шастала моря
по каким шарахалась пустыням
хмурая снегурочка моя

пахнут человеческой мякиной
слюдяные ломкие крыла
чье сердечко слабое смутила
в чью залезла теплую кровать

что ты снова как бы по-кошачьи
исподлобья смотришь на меня
или ты конкретно накосячила
или захотела ты ремня

мне с тобой ни хлопотно ни грустно
просто я немножечко привык
что твои усталые игрушки
завсегда в говне или крови

стой уже в углу полураздетая
дырку расковыривай в стене
то ли бесовская то ли детская
ты которой в общем-то и нет

2008

ПРО ЛЮБУ

Когда я ещё собирал марочки в классер,
у Любы начали набухать груди.
Между прочим, у первой в нашем шестом «В» классе.
Мальчики её любили,
зато ненавидели подруги.

А теперь её сыну лет как нам тогда,
а где его отец — никто не скажет.
Люба пьёт местную водку «Тайга»
и царапает ногтем скатерть.

Люба верит в карму и гороскоп
и работает в разделочном цехе.
Нужен ей не сидевший,
не городской,
с руками ласковыми и цепкими.

А приходят какие-то в свитерах с оленями,
приносят с улицы тошный холодок.
Наспех закусывают прошлогодними соленьями,
пацана отправляют играть в общий коридор.

Назавтра Любе к шести утра в цех,
возиться с тёплыми скотскими потрохами.
Отчего-то мне кажется,
что Люба состарится и умрёт раньше всех,
и поэтому я ни в чём её не упрекаю.

2008

* * *

Дима Д. был из актёрской семьи
и поэтому стал актёром, потом вахтёром.
Часто приходил со словами: «Слышь, займи
сотню-две, извини, что я втёртый, отдам во вторник».

(Никому в голову не приходило Диме отказывать.
Раз в полгода
приходилось Диму откачивать.)

Одно время Дима играл в нашей группе на басуе —
смешно, он и разговаривал басом.
Худой, под два метра ростом, лохматый, а по сути —
интеллигентный мальчик с тихим таким прибабахом.

Музыкант из него тоже вышел так себе.
Нанялся распорядителем в ритуальное агентство —
обустраивать смерть по установленной таксе,
объяснять родным,
во что мертвецу прилично одеться.

От таких дел Дима и запил — сперва легонечко,
а потом придёшь, смотришь, лежит и лежит.
Кто-то не забывал приносить ему аптечные флакончики,
и может быть, иногда чуть-чуть лапши.

Не знаю, от чего он умер,
от дрянного бухла или от голода.
Я пришёл, когда его выносили из парадного.

МЧСники работали в респираторах,
так что, видимо, пролежал Дима достаточно долго.

2008

ТУГАРИН И ОКРЕСТНОСТИ

Городок в табакерке фабричной, где
всё давно до балды Левше-Балде —
раздолбаю, мученику во труде,
прокоптившему небо родимой «Примой», —
где шипит и квохчет людская молвь,
да река под боком, да семь холмов —
благодать четвёртого, что ли, Рима.
Где калёным железом, да с матерком,
достоевский мужик тишком-ладком
ухайдакал-таки лошадку,
где двумя перстами грозил раскол —
молонья в руце на гербе градском
и тюрьма, довлеющая ландшафту.

А в прогале звёздном, как между строк, —
то ли начисто отмотавший срок,
то ль досрочно вышедший из-под стражи,
пролетает ангел моей земли,
отвернув к небесам похмельный лик,
ибо чёрен, одутловат и страшен.
Ибо не на что тут ему смотреть —
в хороводе путаниц и смертей
всё как есть, и отцы не лучше деток —
он видал всё это не раз в гробу,
он подносит к устам свою трубу
и орет в неё: «Эй, ну где Ты?»

2003

* * *

что у нас на завтра
пушкин в гиперссылке
холода тревоги ангельский джихад
так и будем с этой пьяною зассыхой
с девочкой-берёзкой жить и подыхать.

так с тобой и будем чутким ухом прядать
колокольным дрыном тыкать в облака
порошки-стишочки в тощих жопах прятать
да за синих френдов голову под кат.

всё нам до байкала всё нам гребля с пляской
всё нам подавай лихого упыря
чтоб душа в наколках чтоб широк да ласков
чтоб гонял за пивом
а бил так не зазря

и всё летит куда-то в мороке упрямом
на кривой метле за страшные моря
мёртвая невеста ёбаная мама
Родина моя.

2009

РОДИНА-ТЪМА

хочешь правды слушай сука сюда
только родина господь и беда

эпое облачко само по себе
по-над краем невысоких небес

а за край вообще не надо смотреть
эту родину зовут твоя смерть

здесь недетские стоят холода
хочешь правды значит слушай сюда

холода треноги красный бурьян
здесь на марсе каждый весел и пьян

от прямых дорог от ясного ума
позовёт однажды родина тьма

моё сердце как кусок льда
цельнокованный кусок льда

орбитальная хрустальная тюрьма
золотая рвота звёзд кутерьма

треугольные бесстыжие глаза
хоть насы в них всё им божья роса

не видать им ни за что никогда
марсианские сады города

только родина господь и беда
только облачко бежит себе вдаль

только сердце как кусок льда
вечно тающий кусок льда

2010

* * *

Есть верхний Тагиил, и у него
ни рук, ни крыл, ни сердца, ничего,
лишь антитело и антидуша,
темна как свет, как жаба хороша.
(Её мы на ладони вносим в дом,
она глядит на вещи со стыдом,
как крылышко змеиное ломка,
и просит грифельного молока,
которое всем ядам антидот.)

В любом наречье гласные удвой —
и речка перестанет быть вдовой.
Холм уползёт, а невод из ветвей
нестрашно промолчит тебе в ответ.
(У нас в лесном раю, от рыб до птах,
все твари разговаривают так,
в ночи священнодействует удод,
и льнёт к сосцам древесной стрекозы
безгрешный и раздвоенный язык.)

А может быть, и Тагиила нет,
один сторожевой незрячий свет —
белей, чем молоко карандаша,
светлей, чем антрацитные моря,
инверсный код,
створоженная нефть.
(От воздуха пустого отрешась,
нечётные танцуя антраша,

запомни наизусть, душа моя:
у антитела есть антидуша,
а больше нет на свете ничего.
А больше нет на свете ничего.)

ГОВОРИТ БОЙЦАМ

Говорит бойцам политрук
Заберите мой мозг поутру
а когда допьёте поллитру
я воскресну с гвоздикой во рту
Заверните меня в мох
ведь не каждый такое б смог
подчиняясь рваному ритму
прорасти у земли между ног

Полно горюшко горевать
чорны корочки ковырять
ныне в жаркой печной гортани
поспевает мясной каравай
с целый горний свет вышиной
с целый дольний мир шириной
и под кожей новой янтарной
вроде молнии шаровой

.....
И тихонько вздыхают бойцы
и втыкают на небеси
причащаясь последней тайны
утешают друг друга Не ссы
И внимая речам Его
рвут в клочки сгоряча Его
и хватают голыми ртами
абсолютное ничего

М.

на стогнах многолюдно и мертво
агорафоб глаза подьѐмлет к небу
сбиваясь с ноты в поисках метро
которого здесь нету

всѐ дело в серебре и чесноке
скажи какому демону обещан
кто грезит о прохладной чистоте
колодцев и бомбоубежищ

пусть города
стооки и псоглавы
безмысленно фтыкают в пустоту
октябрь уж наступил а им солгали
насчѐт чего-то там в конце ту ту

останься сенбернаром в сентябре
пляши пылинкой в здешнем дымном свете
(а говорят что мы одни на свете)
бывай
звони
пиши
до новой смерти

всѐ дело в серебре
и серебре

2010 (?)

* * *

Саше Митрофанову

Может статься, здешняя пустота —
лишь нехватка годной архитектуры.
В городах эта мысль как нигде проста.
Может статься,
наши дневные тюрьмы,
гепатитный этот щемящий свет,
мокрых крыш пиррихии и спондеи —
отголосок, жалкий довесок сверх
тех дворцов, что, от ужаса холодея,
прозреваем на горизонте сна:
там растут, воздушны и аккуратны,
но не нами придуманы, не для нас —
золотые хищные зиккураты.
Впрочем, толку в них, этих снах во сне:
в них вода как кровь, а кровь как сурик.
Но если встать с непокрытой башкой под снег
и смотреть внимательно, чуть прищурясь, —
сквозь фонарную рваную бахрому
в городах проступает рисунок бога.
Это ясно тебе как никому,
что совсем неплохо,
пускай немного.

2010 (?)

ИЧСХ

Я говорю обычного обычной...

В. П.

На родине моей, что характерно,
царит Борей, что очень характерно,
и нет морей, что крайне характерно,
в которых не мочили б сапоги
коварные Отечества враги.

На родине моей, что характерно,
не устоит ни город, ни село
без праведника или дурака,
для прочности вмурованного в стену,
что, сука, характернее всего.

А население пляшет трупака,
и, в общем, всё здесь на соплях и сперме —
и каземат, и мраморные термы,
на сгустках слизи, спелых и тугих.
Чего-чего, а этого до чёрта,
а под крылом молчит себе о чём-то,
как прежде, море песенной тайги.

2010

Вот так:

.....
.....
.....
.....

хопа!
И всё.

2011

* * *

Говорит земля: ах, если бы да кабы
никогда не росли в моём рту гробы,

не свивались бы волоса корней,
не шептались бы голоса камней,

если б я, земля, да была пуста
и прозрачна вся, хрустально под стать,

сразу стало б видно земное дно,
будто плетью исполосовано,

обживается медленно оно
новосёлами
невесомыми

* * *¹

Вот он появляется на свет
будто бы с повесткой в страшный суд
(В комнате его покамест нет
в комнату его сейчас внесут)
Грузчики ругаются внизу
утро ковыряется в носу
и в тяжелом колченогом гробе
горячо и злобно мертвецу
словно в механической утробе

(Как по смрадным улицам везли
хорошо ещё хоть не роняли
в недрах уценённого рояля
душу неживую растрясли)

Вот он выпускает коготки
обрывает заспанные шторы
как больной или неместный что ли
бьётся в окна двери потолки
лезет по незримой вертикали
превращаясь в жёлтую осу
а внизу толпятся вертухаи

Свяжут руки
выломают локти

---

¹ В некоторых источниках называется «Четыре минуты» («О чуде воскресения»).

в полотенца спеленают ловко
и вперёд ногами понесут

.....
Люди в голубых татуировках
музыку из дома понесут

АДАМОВИЧ В ПЕТРОГРАДЕ, 1923

...несчастный Адамович в одних подштанниках, на коленках, хлюпал по полу окровавленной тряпкой и выжимал её в ведро, пока другие рубили и впихивали в корзину. Голову решено было бросить в прорубь, чтобы трудней было доискаться, кто убитый.

Георгий Иванов, «Дело Почтамтской улицы»

и богтымой какой париж-берлин
какой там поздний завтрак с глебом струве
(ты говоришь сейчас мы всё устроим
ты говоришь не доверяй дверным
замкам в их ржавых скважинах остался
горелый запах мартовского льда)
я говорю тебе что на почтамтской
теперь всегда приёмная среда
там томный отвратительный красавец
поёт о сети шёлковой на бис
легонько клавиш розовых касаясь
и в сбитой юбке пьяная кассандра
читает про поэтов и убийц
там наискось плывущий потолок
и мелкий бисер меж твоих лопаток
и отовсюду алое текло
и виноградной патокою пахло
(а после сразу снова льдом горелым)
давай о красоте поговорим
бесстыжий отрок юркий раб галерный
игрушечный танцор без головы
поэта хорошо заводит режь кромсай пили
придерживай коленом
поэта далеко заводит раж

когда закат играет в окнах в прятки
не ал и не багрян а тускло-рыж
как кровь с отжатой тряпки

* * *

не сносить маклауду головы
не сгубить кашея дорожкой дуста
кончился столетний хеллоуин
содраны обёртки, шарики сдуты
из берестяных ебеней под утро
возвращались с песнями холуи

возвращалась душенька, весела
жёлтые кривые клыки оскалья
в самоходной лодочке без весла
подвенечной крови себе искала
расскажи-ка, милая, где была
а она в ответ ничего не скажет

вылезай из погреба, глянь в окно
всё здесь поросло диким железом
не стоптать десантнику новеньких ног
кто его теперь приютит-пожалует
посиди со мною, моя тоска
бледные ресницы
платьице в саже

а она в ответ ничего не скажет
а она в ответ ничего не ска

2011

* * *

Кому сказать что в городах весна
обидчива как нищенка-царевна
под светлыми глазами синева
вся на понтах дешёвых и на нервах

ей козыряют ангелы с небес
её поют ментовские сирены
и день как бы немного не в себе
с лица спадает и сереет

пиит грызёт захватанный стакан
коты ругаясь подновляют шрамы
и белый флаг трепещет на штыках
ветвей
сюда проросших из кошмара

кому сказать что нет светлее тьмы
когда до пят облечена в сиянье
из долгих рукавов плеснёт костью
обиженная всеми несмеяна

* * *

гроза двора, чумазый купидон
нетерпеливо укрощая трёх-
колёсный экипажик, упадёт
и хнычет, и глаза руками трёт
он знать ещё не знает, что —

старик, доисторический урод
жуёт пирамидон запавшим ртом
его глаза обернуты в картон
его душа скопление папиллом
он больше не боится, что —
небожья тварь прозваньем аполлон
из воздуха высасывает мёд
и не умеет петь, а всё поёт
неслышно, и летает напролом
повсюду, как безбашенный пилот
она плевать хотела, что —

за всё, что не оставить на потом
за средиземный снег и зимний гром
за ласточек, что брызнут из-под стрех
за белый свет и вот за них за всех
мы никуда отсюда не умрём

....

мы никогда до смерти не умрём

ещё грубей и небесней

УСТРОЙ О МНЕ ВЕЩЬ

Все мы очень разные. Живём в разных городах — правда, на расстоянии одного-двух часов езды. По-разному, каждый своим индивидуальным вервием поддерживаем штаны, о'кей? Слушаем разную музыку. Любим (безотносительно взаимности) разных, иногда чересчур уже разных, так что сами путаемся, женщин.

Ну а фиг ли, спрашивает меня Тот, Кто Внутри. А ты думал, в сказку попал? Так оно и есть, так и было всегда. Но воздух-то, воздух...

Вот Саша Корамыслов, Саня, Сашок, А Ка, Александр Анатольевич, старшой брат, гуру и по совместительству полупроводник в мир. Седой гурман словесных конструкций, воинствующий аскет прикосновенности русского языка, мягчайший из воинов Этого, да, Саша, Этого Света.

Середний брат, Денис Модзелевский. Кажется, удачливый журналёр, а ещё — мой прораб на этой странной стройке: изо дня в ночь, от невстречи к невстрече возводить чёрные обелиски с надписью «Памяти русского рокенролла» — на каждом квадратном метре личной обетованной кухни.

И как в том анекдоте — «А ты кто здесь такой умный?» «А я младший братан», — сказал Иванушка и заплакал.

Но воздух, ребята, воздух...

Как маленькие, большие и тёплые пятнышки, внутри я храню слова моих друзей.

Саша:

— Когда-нибудь ты поймёшь, что страх Божий и любовь — одна и та же фигня.

Дениска:

— Гонишь, Майк не умер. И Свин тоже. И Сид. Вот Янка и Саш Баш — те умерли плотно. Знаешь, почему? Потому что смерть таких, как Янка, или Джим, или Ян, — больше, чем жизнь. Говоря фигурально, их смерть — это и есть их настоящая жизнь, и наоборот. А что делать на небе клоунам?

Иоанн Дамаскин:

— Но, Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши, ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя. Но на мне грешнем удиви милость Твою: о сем яви человеколюбие Твоё, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердию: и яко же хочещи, устрой о мне вещь.

И ещё один, ныне путешествующий в своём блаженстве отсутствия Бесогонов:

— Ну ладно, из милосердия я тут шляюсь с тобой. Но больше — из любопытства.

Все мы, оба-два-трое-четверо, — очень разные. Непоправимо даже. Паскудно и счастливо. А воздух — разве ещё раз повторить, что ли, вслед за Осипом Эмильевичем...

Тот, Кто Внутри И Снаружи, бьющийся лысеющим черепом обо все окна всех на свете маршрутных автобусов сразу, говорит мне:

— Увидимся. О'кей?

О'кей, говорю я, меньший среди равных, первый из робких. Я, такое дело, по ходу в сказку попал. И по полной программе. Ты, главное, устрой о мне вещь. За всех нас. Потому что ну, слышишь же ты, терпила, мы такие, блин... На расстоянии двух парсеков. Одного звонка. Трёх букв, выпавших из алфавита.

И Тот, Кто Внутри-Снаружи-Везде И Всегда, отвечает:

— Да какой разговор, братан!

БЛАЖЕННОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ

Я плохо знал Дениса Бесоконова¹. Всего-то и остался в памяти один-единственный слякотный ижевский вечер. Не думаю, что у нас были причины любить друг друга. Но после корамысловского звонка я пошёл в «Околицу» и заказал портвейна. «Околица» — маленькая забубенная забегаловка у дороги, на самом отшибе. Иногда, когда дует особенно сильный ветер, можно представить, что там, за дорогой, ничего нет — вообще нет ничего.

Человек в кожаном пиджаке за соседним столиком смотрел, как я пью. Встретив мой взгляд, он подмигнул и кивнул на дверь. Я подумал, что сейчас придётся драться, но человек в кожаном пиджаке спросил серьёзно:

— Эй, что стряслось?

Я ответил:

— Я похоронил брата.

Потом мы с человеком в кожаном пиджаке пили его пиво, и он рассказывал о тех, кого похоронил сам. Он рассказал о первой и, пожалуй, самой сильной реакции на случившееся. В его интерпретации это звучало так: что ж ты, сука, наделал?

---

¹ Денис Бесоконов родился в Свердловске 7 августа 1973 года, жил в Ижевске. Окончил филологический факультет Удмуртского госуниверситета и аспирантуру по специальности «социальная философия». Работал в республиканских средствах массовой информации журналистом. Из публикаций: альманах «Аквилон» (Ижевск, издательство УдГУ, 2001, 2003), журнал «Луч» (Ижевск) и др. Покончил с собой 13 сентября 2003 года. Архив публикаций поэта доступен на сайте «Сетевая Слоvesность»: <http://www.netslova.ru/besogonov/>.

Тогда, ровно год назад, я погрузил Сашу Корамыслова на воткинский автобус, а сам отправился на поиски мифического Модзелевского — тот вроде бы согласился приютить меня на ночь. Я не знаю, зачем за мной увязался Бесогонов. Битый час мы месили жидкую ижевскую грязь, и мгла валилась за ворот. Я спросил Бесогонова — по дурацкой привычке лезть в чужую душу не разувшись:

— Что ты со мной таскаешься? Шёл бы домой. Из милосердия, что ль?

Он хорошо подумал и ответил:

— Из милосердия.

Потом подумал ещё и добавил:

— Ну, и немного из любопытства.

Милосердие и любопытство — два замечательных качества, не беда, что они как будто взаимоисключают друг друга. Мы таки отыскивали Модзелевского, страдавшего обычным игрушечным запоем. И Бесогонов ещё бегал в магазин за водкой, хотя был мокрый насквозь.

Всего этого не стоило рассказывать человеку в кожаном пиджаке, как и не стоило говорить о бесогоновских стихах. Читая его стихи, я впервые осознал, что поиск также может быть поступком. И что поиск достоин уважения независимо от результатов, сука, ах ты, сука из сук, что же ты, сука, натворил.

Я видел его стариков — обычные люди, раздавленные горем. Всё же как-то пристойнее детям хоронить родителей, а не наоборот; хотел бы я видеть сейчас того, кто с этим не согласится.

То, как он читал, — еле слышно, не разжимая губ. Это раздражало, но и заставляло прислушаться: нужные слова схватывались сразу и крепко, прочее можно было пропустить.

Он сказал о себе:

*...я дорогую славу раздаю
насмешливо и честно, как создатель.*

И ещё он сказал о блаженстве присутствия.

Позже, много позже, человек в кожаном пиджаке снова окликнул меня — я стоял по пояс в мокрой мгле по другую сторону дороги, с бутылкой портвейна в одной руке и недоумением — в другой. Он догнал меня, обнял за плечи и сказал:

— А теперь просто попробуй жить своей жизнью, о'кей?

Да, каждый проживает только свою собственную жизнь и всегда умирает своей смертью. Мне хочется думать, что Бесогонов сполна познал блаженство присутствия, и то, что с ним произошло, — всего лишь шанс познать блаженство иного рода.

* * *

Памяти Д. Бесогонова

*...я дорогую славу раздаю
насмешливо и честно, как создатель.*

Д. Б.

Душа моя, пусти меня к себе
в обитель из живых цветов и стали.
В нечаянном преддверии небес
мы растеряли нужные детали
самих себя. А это ль не резон
единым махом, вкрадчивым и жадным,
перелистать обрыдший горизонт —
так примеряются к жемчужным жабрам,
так впитывают порами состав
чужого воздуха. Так шьют с изнанки.
И так, бесцеремонно просвистав
судьбу, читают линии и знаки
другой судьбы. Ну что же, привыкай,
как привыкала к яблоку и к боли,
косноязычно мудрствуй и лукавь
в объятьях колыбели и юдоли.
Но там, где розовеют облака, —
так безоглядно-глупо, так по-женски
скажи, кого ещё ты обрела
на чистое слепящее блаженство
присутствия? И днесь, когда стою
по горлышко в тебе, — с которой стати

я дорогую славу раздаю
насмешливо и честно, как создатель?
Душа моя,
пусти меня к себе.

2004

СТАРОСТЬ

От тебя мне и теперь — никуда:
ни на строчку, ни на шаг, ни на миг.
Полновесная твоя нагота —
льном и творогом в ладонях моих.
Значит, вымелькал ещё один день,
канул в лето, словно взмах или вздох...
Значит, главное и впрямь — в ерунде:
забавляться со щенком и звездой,
слушать, треску новостей вопреки,
незатейливый напев тишины,
кашеварить бы в четыре руки
да наутро пересказывать сны...
Перспектива глубока и ясна,
как небес парных глотнула взаймы.
А под занавес согреет и нас
бледно-розовое солнце зимы.
Только снова обретённо прильну —
напоследок, на лету, на бегу —
к непорочному, несмятому льну
лона, голеней, лопаток и губ.
...Значит,
дело-то — увы! — к ноябрю.
Значит — хватит нам страстей да обид.
Буду реже говорить, что люблю,
буду истовой и злее —
любить.

2001 (?)

6.45

Я люблю всё, что только должно начаться:
ожидание в глазах предрассветных окон,
мотыльковую нежность, раздирающую на части
тесный ороговевший кокон.

Я люблю лишь то, что вот-вот случится:
обнажённые лица прекрасных безлюдных улиц,
прямоту роста, иррациональные числа.

Без пятнадцати семь, в этот миг ты уже проснулась,
я люблю.

2004

* * *

Так и бывает: волны и облака,
плеск, фейерверк над рекою, петарды, шутихи.
Кончится праздник — жизнь обречённо легка,
только и выдохнешь: «Свете мой тихий...»
Так и бывает — и смерть совсем ни при чём:
эта подруга — своя, что называется, в доску.
Перебирает костяшки за левым плечом —
не оборачивайся, пока не надышишься вдосталь.
Не оборачивайся, перебирая слова,
перевирая мотив этой глупенькой песни,
ветер и пот рукавом утирая со лба, —
завтрашний день будет ещё грубей и небесней.

...Так и бывает:
лодка качается на волне,
к берегу лодку волной прибывает.
Свет пребывает в тебе и во мне.
Свет прибывает.

2001 (?)

* * *

Я помню день, когда я был сожжён,
взойдя на уготованное ложе
с прекраснейшей из земнородных жён, —
и выл огонь, сырые ветки гложа...
Любимая, истлели паруса,
погашен свет, и двери сняты с петель.
Нам остаются пепел и роса,
тяжёлая роса и горький пепел.
Под пологом приязненных небес
мы пили воду с лепестками тёрна
и узнавали вдруг себя — в себе,
и вновь себя теряли обретённо.
В хитросплетенье улочек кривых
и праздных площадей, набитых людом,
что делать нам, скажи? — я так привык
к своей судьбе, к её уловкам лютым,
а всё же мы ещё на смерть взрослых,
и се, теснимый воробьиной злобой,
твержу кому-то: что ж, теперь разлей
бедую нас колодезной, попробуй
разъедини хотя б на миг, рассорь
с пространством нерасказанным, неспетым,
когда мы стали пеплом и росой,
росой и пеплом...

ТЕБЕ

Что нам звёздные войны и пыльные дрязги,
что нам вечный разлад между ночью и днём?
И в холодной степи, и в автобусной тряске
мы друг друга наощупь губами найдём.
...Мы умрём.

Наяву ты безжалостно гонишь
от себя эту мысль, как назойливый взгляд:
в слишком тёмной крови тлеет нежная горечь
поцелуев, касаний, прощений и клятв.
А по мне — так и небо усталое рухни
всею тяжестью тысячетонною ниц,
только б в месиве рук отыскать твои руки,
и слепыми провалами мёртвых глазниц
увидать,
как в спрессованных толщах асфальта
зреет горькая нежность тугого ростка —
и припомнится всё: наша нищая свадьба
и весеннего грома роскошный раскат,
хрупкий утренний лёд,
обернувшийся сталью,
синева над рекою, и там, в синеве, —
нескончаемая журавлиная стая
уносящихся вдаль дочерей-сыновей...
Только б длились безгрешные наши объятия
этот день,
        эту ночь,
                этот век,
                        этот миг,

и не близился срок возвращаться обратно —
в пустоту нерождений
твоих и моих.

2001 (2)

* * *

От мглы, налипшей на зубах,
от злобы, что довлеет дневи,
храни, Господь весёлый Бах,
в заботах о насущном небе.
Даруй нам, Господи, любовь
без слов кривых и знаков тайных —
корзину рыбы, пять хлебов,
и в марте гололёд и тальник,
цветочный яд и дикий мёд,
Восток и Север, Юг и Запад,
поскольку этот город мёртв
и дом покинутый не заперт.
Поскольку не сыскать границ
шагам разымчивым и спорым
в ночи — и всё же оглянись:
ведь этот шов ещё не вспорот!
Сыграй, прошу Тебя, сыграй
на самых чистых и щемящих
в малиновый павлиний рай,
в сквозной, набитый ветром ящик...
Ведь нет позорней немоты —
не умалишь её, не спрячешь —
и это слишком знаешь Ты,
и плачешь, Господи, — Ты плачешь?

2003

COMMONPLACE

Ангел со школьным ранцем
на деревянных качелях.
Сегодня забудут имя,
завтра — год и число.
Деревья стучатся в небо,
худые руки калеча.
Всё, что должно случиться,
уже произошло.

Но эта плоть ещё дышит,
эта плоть — ещё дышит!
Синеющие губы
копят последний смех.
...Качели с пустой перекладиной
раскачиваются всё тише.
Старенький школьный ранец
летит в прошлогодний снег.

2005 (?)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Ты плачешь. Ты совсем не хочешь спать.
Разбрасываешь руки и пелёнки.
И мгла — надорвана. И ночь — на спад.
Какая-то кошмарная поломка
случилась во Вселенной. Некий сбой.
Земля кряхтит и валится с орбиты.
И ты захлёбываешься собой
от маленькой взаправдашной обиды
на день, на ночь, на сон, на то, что нет
его, на нас, хлопчущих без толка...
А в изголовье — приглушённый свет
и с Рождества не убранная ёлка.
Давай, бесчинствуй, надрывайся, вой,
реви как сумасшедшая белуга!
Ты голос подал — значит, ты живой
и сделал шаг из замкнутого круга.
Потом усни — чтоб, словно за дверьми,
под веками на цыпочках прокрасться
в базарный день,
в галдящий пёстрый мир,
прекрасный — трижды проклятый — прекрасный.

2003

* * *

И. Маркову

Это тайная несвобода, чей закон неподкупно строг.
Это тянутся к небосводу силовые линии строк.
Это камушек Демосфена под бесчувственную пятой.
Сотрясаемый атмосферным электричеством, как бедой,
встань с молчанием вечным вровень и по имени назови...
Ничего горячее крови. Ничего солоней любви.
Не гадай — орёл или решка: если малого не сберечь,
остается Чёрная речка, остаётся чёрная речь.
Неприкаянна и счастлива, отлетит от тела душа...
Слышишь — музыка молчалива, и поэтому хороша.
И когда усталое небо поперхнётся студёной мглой,
вдруг поймёшь без страха и гнева — а иначе быть не могло:
лишь отчаянье и надежда, благодарность и правота
так упрямо, светло и нежно запечатывают уста.

2002 (?)

* * *

Стихи мои, зализывайте раны:
там, где полнеба вьюги замели,
есть злое счастье — с равными на равных
бежать, не чуя под собой земли,
есть ремесло примеривать навырост
безбожную распахнутую даль,
остановиться; отдышаться; выгрызть
из лап кусочки розового льда,
есть в пораженье страшная победа
и в немоте предчувствие строки,
оскаленное торжество побега —
порвать к чертям тугие постромки
и, опрокинув нарты с ездоками, —
о чём ты думал, опытный вожак? —
на предпоследнем жгучем издыханье,
как в детстве, кувыркаясь и визжа,
бежать с единокровными бок о бок
по грудь в слоёном мартовском снегу,
смотреть на звёзды гибельные в оба
и умереть от бега на бегу.

2002 (?)

* * *

Отец: Ты вырастаешь до небес.
Ты достаёшь рукою солнце.
Отныне — меряй по себе
весь свет. Иди, мирись и ссорься
с пространством, временем, судьбой,
вздымай оскаленные мачты.
Ты слышишь, я горжусь тобой,
мой мальчик.

Сын: Не надо гибнущих литавр
и сумасшедшего гобоя.

Теперь, когда в меня влита
душа, — поговорим о Боге.

Отец: Бог — сочетанье пыльных букв,
иначе: Бог — язык, который
прикушен. Глянь, как он разбух
во рту, налитанный крутою
тяжёлой ненавистью. Весть
без цели. Стёртая монетка.

Сын: Но если некто всё же есть?

Отец: Я полагаю, этот некто,
беспечно грезящий о нас,
как небеса — о белом клине,
суть также продолжение сна,
щепотка соли или глины,
в крови осевшая...

И ты,
что так неосторожно создан
наперекор застывшим звёздам

из нежности и суеты,
из горсти праха без огня
беспомощным, дрожащим, голым, —
я знаю: ты убьёшь меня,
мой Голем.

2002 (?)

* * *

Выпадает меченая карта.
Выпадает срок уплаты долга.
Выпадает супермен из кадра.
Выпадает снег. Уже — надолго,
чуть не навсегда. Опустим шторы
и в буржуйку хвороста подкинем.
За порогом — вход в пустую штольню,
а под стрехами — гнездо валькирий.

Так, нутром предчувствуя период
ледниковый, устрашась полярных
холодов, судачат сибариты-
мамонты: а вправду, не пора ли
к Господу на зимние квартиры,
в голубые гибельные толщи?
Что кому — а нам с лихвой хватило
нежности — и ненависти тоже.

Ныне существуем по законам
времени военного — а значит,
сколько ни шатайся по знакомым —
не застанешь никого из наших.
Да и ваших нет — ушли в разведку,
в андеграунд, к полуденному бесу,
попадая пальцами в розетку
при очередной попытке к бегству.

Что ж, махнёмся судьбами и снами,
овладеем межпланетным сленгом.
Все, что было с вами-с ними-с нами,
станет снегом-снегом-снегом-снегом.
Потому что снег дороже боли,
потому что все врата отверсты.
За порогом — чисто волчье поле,
а в конце задачника — ответы.
Завтра — ленинградская блокада.

2006

* * *

Передуть звонки и перерезать ток,
стакан простой воды поставить к изголовью
и лечь лицом к стене, чтоб никогда, никто —
ни сном, ни духом, ни изменой, ни любовью.
Как хорошо в ангинном детстве — с головой
укрыться, чтобы лишь граница одеяла
от облачной тоски и смуты голубой
и отделяла бы — и вместе одеяла
прожилками чудес и карамельной мглой,
пронизанной ступенями ресничных просек,
где всё, что быть могло, — взаправду быть могло,
едва наметившись, как штриховой набросок...
Но белый день встаёт во весь гигантский рост,
сорвав засиженные мухами гардины, —
немилосердно и замысловато прост
и преисполнен ангельской гордыни.

2005 (?)

* * *

постучатся войдут и встанут рядом
встанут рядом будто навек застынут
озираются ищут чего-то взглядом
а в глаза не смотрят боязно или стыдно
а потом всю ночь поют негромкую песню
и уходят прочь по дорожке ковровой пыльной
и идут к дверям чтоб упасть за порогом в бездну
и в дверях говорят позвони мне на мой могильный

2003 (?)

* * *

Вот белый свет. Вот это я и ты.
Вот это снова ты. Вот мы с тобою.
А дальше — разведённые мосты
и дым над нарисованной трубою,
оружие под окнами коты,
зонты, диваны, новые обои,
виолончели, скрипки и гобои
и скомканные нотные листы,
прощания, обиды, нелюбови,
последний шаг до тлеющей черты —
и вдруг, среди огромной, как в соборе,
невероятной, гулкой немоты —
короткие глухие перебои...

Ты замечала — до чего пусты
глаза без страха, жалости и боли?

* * *

Привыкай к тому, что не срастётся
и не позабудется теперь.
Привыкай — а что тут остаётся,
если не получится терпеть?
Горечь миндаля и никотина,
стянутые в узел провода.
Вот такая радость накатила.
Вот такая хлынула беда.
Поезда отходят от перронов,
в море умирают корабли.
Козырьки полночных таксофонов
никого покамест не спасли,
не укрыли от дождя и града,
привкуса безвременья во рту.
Не укрыли? Значит, так и надо,
так и стой на каменном ветру.
Будешь проще, суше и бесстрастней,
разве что отметишь невзначай —
расстояние от «прощай» до «здравствуй»
больше, чем от «здравствуй» до «прощай».
И всего привычного привычней
в невесёлой повести твоей —
выше слов и памяти, превыше
мокрых крыш и проводов провисших —
стаяка лёгких мыльных пузырей.

АПРЕЛЬ

В. Фролову

Кому рассказать, как апрель собирает долги, —
по нитке, по нотке, по шмотке, по солнечной капле...
Ни Богу, ни сердцу, ни ветру не верь и не лги,
забившись спросонья в колючем предутреннем кашле.
...Он шествует по головам и размеренно пьёт
из терпкой небесной реки, что дарует забвеньё,
свободный, как только что трижды отрёкшийся Петр,
и дерзкий, как те васильки у обочин сабвея.
Он вавилонянин, чьи окна глядят на закат,
а стопы бесчувственно вязнут в сугробах осевших,
болтающий лихо на выморочных языках
и знающий толк в предназначенных свыше осечках.
Какая хромая судьба воедино свела
его и тебя, невесёлый расхристанный дервиш?
И чаша наполнена вслянь — высока и светла,
но так тяжела — не выронишь и не удержишь...
А всё-таки ты вместе с ним без опаски войди
под вечнозелёные своды — но прежде разведай,
далёко ль ещё до пречистой воды
и долго ли до рассвета.

2001 (?)

* * *

Запомни: скорость света преодолагает тьму.
Но не ищи ответа — зачем и почему.

Не упадёт и волос с повинной головы,
покуда дремлет слово среди большой травы.

Смотри, какое небо над крышами стоит.
Плывут по небу нерпа и говорящий кит.

И звёздочка простая — одна в своём углу —
доверчиво бросает в египетскую мглу

до хрипоты, до жженья обычные слова
о таинстве рожденья и чуде Рождества.

Ей вторит хор созвездий, качаясь на ветрах,
и скорость доброй вести преодолагает страх.

2001 (?)

* * *

Стрижи хвостами режут синеву
и пропадают на свету крошечном,
и колокольчик падает в траву,
но речь об утешении — не меньше.
Да, миллионы разноцветных брызг,
корабль, дрейфующий в нейтральных водах.
Ещё мгновенье, и подует бриз.

...Та девочка умрёт при тяжких родах,
а этот день — как продолжение сна
под разлинованными небесами.
И если музыка покинет нас —
помилуй Господи, что будет с нами?
Она глядит, как в зеркало, в рассвет
и говорит картаво и негромко
о мировом сиротстве и родстве,
и говорит — как бы идёт по кромке:
«Возьми меня. Иного не дано.
И будет скрипка, и немного нервно.
Но лишь со мною, лишь со мной одной
ты — посреди земли, напротив неба».

И наискось рванёт июльский дождь —
хохочущий, всемирный, средиземный —
когда освобождённо припадёшь
к её рукам, изъеденным экземой.

2006 (?)

РВАННОЕ

Всякая вещь на свете имеет свойства.
Земля и небо говорят отнюдь не стихами.
Но будь мы звёзды — стояли бы крепко, как звёзды.
И будь мы камни — летели бы в пропасть, как камни.
Смысл этих слов тёмн... Звук тщится
вырваться из себя, памятуя о чуде.
...Будь мы рыбы — пели бы, как птицы.
Будь мы боги — стали бы смертны, как люди.

2001 (?)

* * *

Чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века.
«Символ веры», Никейский собор, 325 г.

Это осень. Неужели так скоро,
неужели так до срока — поверь,
я не слышал терпеливого хора,
указующего мне, кто правей,
кто правдивее.

В прожилках и остях,
словно в устьях замерзающих рек,
застоялся пузырящийся воздух,
пузырящийся и ясный, как грех.
По какой такой любви и причине
под рассыпчатый смешок-шепоток
от предсердья к воспалённой брюшине
перекачиваешь медленный ток?
Сколько скуки на внимательных мордах
облаков порожних, сторожевых...
Слышишь — чаю воскресения мёртвых,
но не чаю обретенья живых.
Слышишь — верю в холода, в непростенье,
в снег, что выпадет из Боговых рук,
в превращение и коловращенье,
возвращенье — на гончарный ли круг?
...Это память. Это тысячи волглых
соответствий в обожжённой листве.
Подержись ещё немного за воздух.
Заплати за ускользящий свет.

ЕГИПЕТ-КИТАЙ

Вложи мне вместо сердца скарабея
и камни разноцветные в глазницы,
покровы пропитай пчелиным воском
и прокляни пороги —
я поплыву, волнуясь и робея,
туда, где солнце матовое снится
бродягам, променявшим сытный воздух
на соль дороги.

Пускай наградою мне будут ночи
беззвёздные, и небо грозное,
что направляет твёрдою рукою
приливы и отливы,
и путь, и радость непосильной ноши,
непритязательные разговоры
в решётчатой беседке над рекою
и ветка сливы...

2005 (?)

* * *

...чтоб нѣбо стало небом...
...и мыслящий бессмертный рот...

Мандельштам

Отчего так оголтело льну
к ясному до маеты, до жути
колокольному цветному льну
с привкусом забвенья или ртути?
Словно предстоит с самим собой
долгая бесслѣзная разлука —
посвист стрел, пылающий собор,
ни словечка, ни кивка, ни звука...
Так и подступает немота —
слишком опрометчиво и рьяно
оловом кипящим залита
лицевая мыслящая рана.

...Знать бы,
скольким пересохшим ртам
довелось вбирать упругий воздух
откровения — и чья гортань
прохрипит о небывалых вѣснах,
как лютует скомороший Бог,
заходясь в колючем едком кашле,
как разматывается клубок,
и сочится в тыщу лет по капле
стереоскопический простор
сквозь ушко кашцевой иголки, —

и ведут неспешный разговор
ветлы и ветра, волхвы и волки...

В кратком переводе на людской,
памятливый, тёплый и бескостный,
это значит: обернись рекой,
радугой двойною високосной —
только бы заполнить как-нибудь
промежуток меж Творцом и тварью.
...Автострады уступают путь
гибкому степному разнотравью.
Только бы, немея на закат,
подставляя грудь дождю и снегу,
кончиком сухого языка
прикоснуться к небу — или к небу.
Тут-то и настигнет, как удар,
и встряхнёт за немощные плечи
дивный и немилосердный дар
человечьей речи...

* * *

Как темна и чудесна звериная смерть
на горячем снегу, на истлевшей бумаге.
Сумасшедшая нежность — хотеть и не сметь
прикоснуться к истоку слепыми губами.
Где кончается день, где мелеет река,
где плотней облака и весомей расплата —
мы узнаем друг друга по чистым рукам,
по голодным глазам, разучившимся плакать.
Ждать у горя погоды и добрых вестей,
отвергая дары, опуская ресницы...
Мы друг друга найдём по зелёной звезде,
по солёному следу на чистой странице.

2006 (?)

* * *

...и вдруг прольётся, как из чаши,
непоправимо белый свет,
сухой и звонкий, чуть горящий, —
и живы все, и смерти нет.
И пласт подтаявшего снега,
под тяжестью своей осев
и выдохнув, сорвётся с неба —
и страха нет, и рядом все.
И тут же встрепенётся зыбко
и дрогнет крыльями в пыльце
новорождённая улыбка
на запрокинутом лице
цветка. Ну что ж, и ты не бойся,
иди в полуденной росе
туда, где смерть почила в бозе
и живы — все.

2004

АВТОЭПИТАФИЯ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА, АВЕНТИН, 200 г. до Р.Х.

Я призову в свидетели полнеба
и беспощадно синий окоём.
Я высек это в камне — кто б полнее
запечатлел отсутствие моё.

Я жил внаймы, я уповал на помощь,
я ел с ножа и убивал, смеясь.
Я столько позабыл, что не упомнишь —
как это звали — радуга ли, полночь,
что это было — нежность или грязь.

А смерть приходит с белыми руками,
с горелым хлебом, с пригоршней огня.
Я обманул её. Я высек в камне:
меня здесь нет. Я здесь — но без меня.

Благодарение высоким манам
за право жить, за доблесть умереть
каким родился — голым, безымянным.
Я был — я не был — я не буду впредь.

Я высек это в камне.

2007 (?)

СМЕХ АВГУРА

*(натурфилософский опыт
реального расклада по базовым понятиям)*

Для начала — общеизвестное. Бывают нации мореплавателей и купцов, официантов и жуликов. Русские (руты, русы, русичи, рутены) — по преимуществу литературная нация. Наша история насквозь пропитана литературой, причём жанры-то всё нескучные: мистический триллер, плутовской роман, милицейские мемуары. Слово и дело, кричали некогда подозрительные одутловатые личности посреди толпы — и мигом стихало шумное торжище, и кого-то споро волокли на правёж, и старательно прятали глаза сослуживцы и однополчане. «Слово и дело» (или «за базар ответишь», как перевёл бы Виктор Олегович Пелевин) — категорический императив расейской действительности со времён тишайшего царя Гороха. Не беда, что от жестковатой этой формулы попахивает застенком и дыбой. Здесь мы, пожалуй, ближе всех к суровому и вспылчивому пастушьему божку Яхве. У нас тоже дело следует ЗА словом. Или... или не следует, да.

Излюбленная забава славянского ума — пытаться естество всеми доступными способами. Казалось бы, всеобщая литературизация полудикой страны, осуществляемая не то тщательно законспирированными подспудными силами, не то, наоборот, конгломератом сил небесных, — не блажь, но благо. Ой ли? Дудки, вовсе не так мы просты. Есть, есть у нас чудесное свойство — обращать всё, чего ни коснёмся, в тяжеловесный каламбур.

Так и здесь, слава Богу, всё не слава Богу — а что вы хотели? Русские — нация писателей, но не читателей. Дур-

ная наследственность, генетическая память о гипербореях, вынужденных коротать полярные ночи за воспроизведением зубодробительных саг. Почтенный сказитель, вышедший на двор по малой нужде, тут же навсегда вытеснялся из фокуса внимания новоприбывшим балагуром. Со времён первых переписчиков на Руси бытует неуважение к литературному труду, как к занятию, которое в принципе доступно каждому мало-мальски грамотному сукиному сыну — было бы желание и досуг. Повсеместное распространение заводских многотиражек, литературных студий и Русского Интернета намертво закрепило эту тенденцию.

Наши литературные понты сродни изуверским ритуалам русской бани, которые в I веке ужасали апостола Андрея и которые в совокупности уносят жизни не меньше, чем гололедица и нефрит. Учёного учить — только поркой. Мы тут все нынче учёные, прохвессора и филологи. Зря, что ли, разночинцы рассохлые топтали сапоги? И клятва чудная четвёртому сословью. И горящею солью нетленных речей и т. д.

* * *

В итоге литератор в глазах общества — довольно презренное создание. У нас, мол, такого добра... Об этом с гневом и недоумением говорил ещё Александр С. Пушкин — первый русский писатель-профессионал, то есть человек, существующий исключительно литературным трудом и карточными выигрышами.

Здесь уместна попытка следующей классификации инженеров человеческих душ:

а) Не От Мира Сего (и это ещё очень мягко выражаясь). Проснувшись за полдень, курит в постели и мечтательно чешет яйца, на вопрос о месте работы начинает темнить и далеко-далеко уводить глаза. Ср. у Б. Рыжего: «Земная шваль — бандиты и поэты». Короче, на таких, по Хармсу, в цивилизованном обществе принято «показывать ногтями»;

б) Злостный Отрицала. От первого типа отличается агрессивной тунеядской позицией, то есть описанный выше образ жизни всячески отстаивает и пропагандирует, а потому подлежит незамедлительной высылке куда-нибудь к чёрту на рога, подальше от идеального Города, в Североамериканские Соединённые Штаты или деревню Норенская;

и: в) Счастливчик, нежданно-негаданно огребший кучу бабла на Вавилонском лохотроне. В этом последнем случае смутная неприязнь окружающих перерастает в классовое чувство. А может, дело в метафизической природе счастья? Счастливчикам вообще ведь живётся несладко — их не любит никто.

Эксперимент О. Бендера, на протяжении нескольких недель успешно втиравшего очки целому писательскому коллективу, указывает на неиссякающий источник свежих литературных кадров. Это всё то же так называемое городское дно, люмпен-интеллигенция, деклассированный элемент в колоритных обноскох. Здесь мы снова не без тайного и весьма специфического злорадства наблюдаем смычку криминала с литературой. Последняя обогатилась жанрами блатного романа (см. А. Блок) и шершавой лагерной байки-страшилки, рассказываемой на нарах после отбоя (см. Солженицын, Шалам Варламов и пр.), а в родную речь ворвалась освежающая струя фени.

* * *

Александр Гордон как-то сказал: поэтов надо лелеять. А также — нежить, голубить, ублажать, тетёшкать и пуськать, добавим от себя. Пусть безобразничают, сколько влезет, пьют и прелюбодействуют и / или нюхают дурь и мужеложествуют и далее по тексту нарушают Уголовный кодекс. Любовь и бумага стерпят всё.

Режим благоприятствования крестьянско-пролетарской поэзии, например, в своё время дал России обаятельных и, в сущности, безвредных прохиндеев Есенина и Маяковско-

го. С другой стороны, отсутствие необходимой воздушной прослойки между двумя взаимоопровергающими системами убило тихого сумасшедшего Мандельштама. Ещё есть мнение — свидетелем был только воздух — что его замочили за неопрятность и крысятничество на пересыльном пункте осенью 38-го. Последствия известны слишком хорошо. Не прошло и года, как предсказанный им «принижённый, пасмурный, оспенный» гений могил начал своё шествие по окопам Европы. Кришна не прощает оскорблений, нанесённых лотосным стопам *вайшнава*.

В воспоминаниях вдовы поэта есть любопытное размышление о некоей неотмирной, но вполне реальной власти, которой якобы располагают люди слова. Она, эта власть, — внутри черепных коробок; чтобы свергнуть её, зачастую необходимо разрушить весь организм, что экономически невыгодно.

В девственных культурах полномочия шамана равняются полномочиям вождя, а порой (во времена народных волнений, войн и т. д.) и превосходят их. Тогда многое зависит от правильно прочитанных письмён на обугленной бараньей лопатке. Мошенники-авгуры не зря посмеивались и отводили глаза при встречах друг с другом. Князя мира смертельно боятся власти слова хотя бы из-за труднодоступности её рычагов и кнопок — ну и как любой честный простолюдин чурается всякой чертовщины, признавая при этом её ответственность в обстоятельствах форс-мажора.

Литература провоцирует, толкает под локоток, нашёптывает на ушко соблазнительные и не очень пристойные вещи. Стоит человеку прислушаться, изумиться и задать себе самый невинный вопрос — а нах..я? — как он счастливо и безвозвратно потерял для карьеры старшего менеджера тире младшего вертухая.

Впрочем, нет нужды излишне демонизировать эту растрёпанную даму. Бедный галилейский плотник в пустыне был иском не ею.

Но вот ведь какая штука. Мы знаем о мире, который существовал до нас, по противоречивым рассказам нескольких учёных греков. Может статья, и нынешний brave new world — исчерканный и смятый черновик борхесовского Укбара. На сей раз Господа Сочинители явно гнались за дешёвым успехом. Торопились, портачили, разбрызгивали чернила. Что они при этом держали в голове, какой шедевр попал под редакторский нож? Уютное семейное чтиво, бестселлер, взыскующий мягкой обложки, или научно-популярная брошюра? Нам не понять — почерк не слишком разборчив. Мелькают какие-то цифры... малоубедительные выкладки... масса орфографических ошибок... Да полно, литература ли это? Не агентурное ли донесение или грязная анонимка?

Однако мы далеки от скороспелых выводов и чересчур смелых обобщений, как уже было продемонстрировано. Ещё одно доказательство тому — следующий проект.

* * *

Люди, страдающие литературным зудом, должны быть освобождены от всяких повинностей и наделены статусом неприкосновенности. Они приносят пользы чуть больше, чем те, кто заседает в правительстве, и чуть меньше, чем городские сумасшедшие. В этом диапазоне и колеблется их социальный индекс. Они — хранители сверхисторического ментального вещества, над выделением которого в лабораторных условиях сейчас работают лучшие умы. Пройдёт какая-нибудь тысяча зим, и упомянутым драгоценным веществом, тёмным и вязким, как земляной мёд, станут заправлять двигатели — те, что движут солнце и светила. Геополитика, ворочающая пластами материков, начинается в прокопчённом чуме пьяного в дым кольского шамана.

Одновременно необходимо блюсти кастовую чистоту литературных цехов. Ежегодно проводятся показательные выступления по образцу древнегреческих Олимпиад или всеобщих воинских учений. Здесь литераторы доказывают

свою профессиональную пригодность и заодно повышают мастерство, состязаясь в различных видах спорта, как то: перетягивание каната (вариант: одеяла), марафонский бег в мешках, хождение босыми пятками по лезвию ножа и проч. Не прошедший испытания лишается права публичных высказываний и воскресной порции бланманже.

* * *

И напоследок — ещё несколько прописных истин. Человечество осознало себя тогда, когда речь перестала выполнять функции собственно сигнальной системы. Общеизвестен творческий акт, который перевернул мироздание вверх тормашками. Однажды некий скользкий господин (не иначе как из породы мелких мошенников — базарных напёрсточников, продавцов патентованных средств «от всего», бродячих проповедников сетевого маркетинга и проч.) уговорил легковерную барышню вкусить экзотический плод. В результате люди обрели драгоценный дар смерти и стали как боги, то есть худо-бедно научились мыслить категориями типа «хорошо — плохо», «чёрное — белое», «моё — чужое» и творить собственные миры по образу своему и произволу.

Кто-то спросит — зачем дегустировать этот подозрительный, даже с виду малосъедобный продукт сегодня, когда все лотки забиты вполне качественным и экологически чистым контентом, готовым к употреблению? Зачем отравлять мозг информацией, не несущей утилитарного смысла? То есть, опять же, — нах..я?

Ответ см. в конце учебника. Карму мантрой не испортишь, как говаривали те же арийские предки. Имунитет избыточным не бывает. Хомячок из известной поговорки, принявший мученическую смерть от капли никотина, пал жертвой недобросовестного эксперимента.

Никто не застрахован от того, что в один прекрасный день всё огромное непосильное знание о мире не рухнет на голову, как бетонная плита. Очень немногим удавалось

пережить такой опыт. Их имена известны: Христос, Будда Прахлада, Магомет, Ошо, А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, прораб бригады каменщиков Николай Блабуденко (Нижевартовск) и так далее. Найдутся ли среди нас, добропорядочных платоновских (вариант — некрасовских) граждан, обладатели подобной личной силы? Итак, морщимся, но принимаем — *regores*, как указано в рецепте, гомеопатическими дозами.

Место господ сочинителей в аду, по слухам, также забронировано. Им суждено вечно стоять по горло в ледяном озере в оживлённой компании отцеубийц, фальшивомонетчиков и клятвopеступников — и мучиться жаждой.

на всех твоих невидимых фронтах

ПЕРЕРОСТОК САВЕНКО

Я понятия не имею, где сейчас находится Эдуард Вениаминович Лимонов. Скорее всего, опять сидит где-нибудь в Крестах по обвинению в террористической деятельности. А если не сидит, значит, только что освобождён под залог. Или в скором времени опять сядет. Но его досуг — вопрос его вкуса.

А может быть, Лимонов-Савенко в данный момент штурмует башню Святого Петра в Риге или планирует государственный переворот в Дуркестане. Пишет передовицу для газеты «Лимонка». Покупает партию оружия для своих юных соратников-нацболов.

В общем, человек при деле.

Зачем ему это надо? — спрашивает мой друг.

— Понимаешь, — говорю я, чувствуя себя адвокатом Эдуарда Вениаминовича (не самое приятное ощущение). — Где-то он написал об этом: вот, я сочинил и продал сколько-то книг. А дальше что? Поимел столько-то самых красивых женщин (ну ладно, здесь, положим, он прилгнул). А дальше? Видел Бродского и Дали. А потом?

— Всё равно не понимаю. Чего он мельтешит?

— Он хочет продолжения. Точнее, бессмертия.

Кумиры Савенко — Мисима и Жан Жене. Оба — знаменитые изгои и гомосексуалисты, если для кого-то это имеет значение. Кстати, та сцена в «Эдичке», благодаря которой книгу переименовали в «Русский поэт предпочитает больших негров», действительно одна из самых сильных в его творче-

стве. Во всяком случае, только она и закрепилась в памяти, да ещё обжигающий борщ, поглощаемый из кастрюли на балконе, под безжалостным утренним солнцем Нью-Йорка.

Но любимым героем Савенко остаётся он сам. Потому-то лучше всего у него получается автобиографическая проза. Как только он начинает выдумывать (шутка ли, однажды мне попался изготовленный им фантастический роман-антиутопия), его заткнёт за пояс любой Лукьяненко средней руки. Зато когда Савенко этак между делом обмолвится: «Тут я напился и из чувства противоречия отправился с ним в постель» — читатель радостно потирает руки: да, это снова он, тот самый Эдичка-Педичка, анфан-террибль и священная корова русской литературы.

Как водится, и здесь чувство меры отказывает Эдуарду Вениаминовичу сплошь и рядом. Вот он рассказывает, как о значительном событии в жизни, о драке с легендарным «смогистом» Леонидом Губановым. Вернее, о двух драках, если это можно так назвать. В первом случае хитроумный Эдуард Вениаминович зарядил поэту бутылкой по черепу, благодаря чему только и избежал расправы. Во втором же — отчасти за прежнее вероломство — самым прозаическим образом получил от поэта основательных пиздюлей (довольно странная в устах бойца ремарка: «у меня хватило ума не сопротивляться»).

А в следующем абзаце Эдуард Вениаминович раздаёт пинки мёртвым друзьям и врагам в духе «где я, и кто они?» И очень опрометчиво, кстати: некоторые мёртвые мстят за себя всю смерть.

Эта короткая новелла — «Гипсовый пионер и его команда» — говорит о переростке Савенко больше, чем два десятка многословных романов. Нет, он не настолько опасен, каким пытается выглядеть. Кто-то сказал, что он лишён обаяния, отяжелевший анфан-террибль, обзаведшийся эспаньолкой и несколькими серьёзными статьями Уголовного

кодекса. Я в это не верю. Думаю, он до сих пор чертовски обаятелен, как всякий человек, у которого за потайной дверкой воображения всегда наготове пыточные подземелья и дивные висячие сады.

Позволено ли сказать: был такой плодовитый, но неряшливый писатель Лимонов. Иногда его было даже небезынтересно читать. Вообще из этой адской смеси — «Три О»: Одарённость, Одиночество, Отчаяние — получается отличная взрывчатка, почище любого пластита. Он взял себя за шиворот и выдернул из червивой харьковской подворотни, и поставил над столь не любимым им society (мы все помним, от какого это глагола) вот так — одной ногой в Париже, другой в Нью-Йорке. Когда он издевается над Пушкиным, упрекая в «низкой социальной мобильности» (только за то, что Александр Сергеевич до конца дней знал с лицейскими товарищами) и «домоседстве» (за то, что не высунул носа дальше Арзрума) и в качестве примера отрицательной свободы приводит, скажем, Американца-Толстого — он прав правотой поэта, которая не нуждается в политкорректных доводах.

Но потом что-то случилось, что-то непоправимо щёлкнуло в бедной его голове. Вот как он говорит о своём стиле: «Мой великолепный, блестящий, тугий...» и т. д. А упоминая о каком-либо событии, обязательно вставит: кстати, об этом я уже написал классный рассказ.

Позволено ли сказать: бессмертие удаётся, если не слишком суетиться. Продолжение может обернуться тошнотворным сиквелом.

Я не знаю, чем сейчас занят Эдуард Вениаминович. Может быть, в этот самый момент он развлекается со смазливый сокамерником — вечера в Крестах длинны и унылы — или, присев бочком у стола, совсем как молодой Ильич, сочиняет очередные тезисы.

Дело вкуса, только и всего.

БОЖЕ, СПАСИ ПАЛАНИКА

Чак Паланик (Chuck Palahniuk, р. 1964), если верить ему самому, — представитель направления «трансгрессивной прозы». Только не спрашивайте меня, что это значит. Не думаю, что сам Паланик в состоянии внятно ответить на ваш вопрос.

Чак Паланик, если верить восторженным аннотациям, вынесенным на суперобложки, — «сумасшедший гений», «матёрый талант среди хилых талантиков нашего поколения», «культовый классик современности», «новый Уильям Берроуз» и так далее.

Чак Паланик, если верить кое-кому из читателей, — мерзкий тип, обожающий смаковать мерзкие подробности, копаться в чужом белье и вообще всячески выносить сор из избы. Сексоголик. Амфетаминщик. Моральный урод.

Чак Паланик, как утверждают титры, — автор «Бойцовского клуба», того самого «Бойцовского клуба», по мотивам которого снят тот самый «Бойцовский клуб» с Брэдом Питтом.

Но не верьте никому. Чак Паланик, как я давно уже подозреваю, всего-навсего **ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ПИСАТЕЛЬ**.

Пересказывать сюжеты его книг — дохлый номер. Это при том, что каждый роман имеет жёсткую, почти кристаллическую структуру. Но вдоль этих осей скручиваются и нагнетаются энергетические вихри сопутствующих историй, по яркости и напряжённости ничуть не уступающих основной линии. Записной книжки Паланика хватило бы, чтобы обеспечить работой три поколения литературных негров.

Это принцип альманаха, когда в очень замкнутом пространстве собирается десяток очень разных людей. Прежде чем присутствующие начнут кромсать друг друга разделочными ножами, необходимо как-то убить время. О'кей, будем травить байки, толкать телеги, гнать пургу. Каждый из нас — это нерассказанная история. Каждая история имеет право быть услышанной. Как вам понравится рассказ о надувном манекене для следственных экспертиз, который используется в качестве сексуального партнёра? Или о ребёнке, лишившемся прямой кишки в результате мастурбации на дне бассейна? Или о стремительно стареющем подростке, прибалтывающем жалостливых бабёнок на минет?

Это принцип флэшбэка, когда повествование беспрестанно скачет, как мячик для пинг-понга (или вот ещё лангольеры) туда-сюда, взад и вперёд. Обрывок детской песенки, подозрительный потёк на стене, корпоративная эмблема, угодившая в поле зрения, — любая мелочь способна моментально отбросить вас на пару десятков страниц назад. Кое-где автор заигрывает со временем напрямую, этак грубо, в лоб, посылая героев в какое-нибудь альтернативное прошлое, чтобы совокупиться с собственной юной бабушкой или отлупить бейсбольной битой собственного дедушку-бойскаута.

В результате вы полностью сбиты с толку и дезориентированы. Всё, что вам остаётся, — довериться автору в его странной игре. И этот ухмыляющийся Вергилий не подкачает. Этот человек с некрасивым умным лицом, чем-то смахивающий на ирландского сеттера, отправит вас в такие химические дебри, что Менделееву и не снились.

Это принцип кольца, когда рассказчик как заведённый каждое второе предложение начинает со слов «Просто на заметку...» или «Что, скажешь, бред?», и это принцип лестницы-стремянки: одно предложение — один абзац — одна ступенька, и мало того, ступеньки всё укорачиваются.

Это... В общем, вы уже поняли. Вы поняли, что ничего вы не поняли. У вас масса вопросов к Чаку Паланику.

Не самый главный, но ощутимо свербящий вопрос: откуда этот парень берёт свои сюжеты и своих героев? Безумных мормонов, глотающих крысиный яд, чтобы коллективно вознестись на небо, влюблённых трансвеститов, мутирующих в обе стороны, тихих маньяков, сующих члены в пылесосные трубки?

Почти главный вопрос: оно ему надо?

И, наконец, главный вопрос: а нам оно — того? С какого перепугу?

То есть в принципе мы имеем классическую (ну или почти) триаду, определяющую ценность художественного произведения.

Как. Почему. И зачем.

А теперь по порядку.

Человек по имени Чак Паланик, судя по всему, — мужик несерьёзный. Настолько, что и не пытается это скрывать. Так, отвечая на первый вопрос, он не слишком старательно изображает задумчивость и начинает беззастенчиво толкать скрипучие телеги.

Он, видите ли, работал в хосписе.

Посещал группы взаимной поддержки.

И даже набирал телефонные номера разных интересных контор и просил пожилую девушку, поднявшую трубку, рассказать самую грязную историю в её жизни.

Ещё он тщательно хранит все кассовые чеки, когда-либо выданные ему на автозаправках, в гостиницах, фаст-фудах и магазинах готовой одежды. Якобы по этим чекам он способен восстановить любой день своей жизни в любой последовательности.

Ещё время от времени пристаёт к знакомым и незнакомым с расспросами вроде «А как вы чистите столовое серебро?» или «Расскажите мне, как ваша бабушка пекла вишнёвый пирог?», или даже «А ну-ка, навскидку, — ваш рецепт удаления крови и мозгов со старинных гобеленов?» Ответы

записывает в столбик. Можно только представить, как обожают Паланика его знакомые и незнакомые. Что они думают о Паланике в эти его периоды обострения любопытства.

Вот и всё, говорит Чак Паланик. Всё просто, говорит Чак Паланик. Факт-вымысел-факт.

Ага, как бы не так, говорим мы. Так мы тебе и поверили. Сам-то понял, чего сказал?

То есть, конечно, и хоспис, и группы взаимной поддержки, — всё это очень даже может быть. Мы охотно верим, что до написания своих замечательных книжек Чак Паланик занимался всякими общественно значимыми и благородными делами. Попутно накапливая багаж впечатлений. Выслушивал наркозависимых афроамериканцев-эротоманов с синдромом Стендаля. День за днём накапливая багаж впечатлений. Каталог по гравийным дорожкам инвалидные коляски, нагруженные ветеранами вьетнамской войны. Терпеливо и скрупулёзно накапливая багаж впечатлений. И даже — пусть его — кокетничал с девицами из службы «Горячая неотложка», часто и нервно дыша в телефонную трубку. Накапливая багаж впечатлений, чего-то там корябая в потёртой записнухе. И напевая что-нибудь вроде «Шестой сундук, сундук ещё неполный...»

Но вот в одной из лучших книг Паланика рассказывается о некоей маленькой девочке. Она рисовала пейзажи, дома и предметы, которых никогда не видела. Приливы, отливы, скалы, замки, церкви, домашнюю утварь. Потом она выросла и стала художницей. Она нарисовала тысячу гипсовых голов в студии и выучила латинские названия всех мышц человеческого тела. В общем, накопила багаж.

Но почему-то она не переставала рисовать тот остров с его отливами и приливами — реально существующий остров, на котором она никогда не была.

Это вроде как ответ на первый вопрос.

Просто на заметку: проследите, как вам лжёт ваша любимая женщина. Любимые женщины — величайшие специ-

алисты по вопросам практической лжи. Это похоже на изготовление мясного рулета для вечеринки, где будет много гостей: тонкая прослойка первосортной лжи — толстая прослойка событий, достоверно произошедших или могущих произойти когда-то с кем-то в схожей ситуации. Ещё одна прослойка лжи — прослойка как бы правды. Или, точнее, соевого текстурата, идентичного правде. Факт-вымысел-факт, ага. В целом на вкус получается вполне сносно.

Паланик — прирождённый враль, да ещё и поставивший это дело на широкую профессиональную ногу.

Прежде чем он скормит вам байку о том, как некоему гражданину под шумок скормили его собственную задницу, вы узнаете десяток оригинальных рецептов бифштекса с кровью. Попутно вам расскажут, как избавляться от содержимого прямой кишки кальмара, прежде чем подавать его (кальмара, а не содержимое) на стол. Приятного аппетита.

Прежде чем вас до полусмерти напугают эпидемией ретровируса в американских школах, вам будет прочитан краткий курс истории Гражданской войны, когда заградительные отряды под командованием генерала Мак-Гила по прозвищу Горбатый только и делали, что подбрасывали индейцам знаменитые оспяные одеяла.

Вашему вниманию предлагаются шокирующие подробности, неопровержимые факты и точные цифры, почерпнутые из рекламных буклетов, отрывных календарей, кулинарных книг. К тому времени, когда вы переварите хотя бы часть всей полезной информации, вы обнаружите, что погребены под спудом разноцветной галиматьи, как под этими самыми одеялами.

А лицо на суперобложке улыбается тонкими лиловыми губами.

Помнится, барон Мюнхгаузен также не скупился на разного рода подробности.

Существует не до конца проверенная теория писательского воздаяния. Мол, судите творца по законам, созданным им самим. Если смелости хватит.

Имел место прецедент, когда персонаж по имени Иов предъявил кучу резонных, на его взгляд, претензий некоему автору, известному под множеством псевдонимов. Все претензии сводились к одному: как насчёт замысла, шеф? Автор тогда несколько растерялся, но ответил, что называется, по понятиям, представив сердитому Иову вещественные доказательства наличия у него стройного и совершенного замысла. В качестве доказательств выступали разные звери, от бегемота до левиафана, явления природы и даже небесные светила.

Иов, помнится, остался удовлетворён. Автор — тоже. Настолько, что подарил придирчивому и неопрятному старику — своему alter ego — смерть, «насыщенную днями». Так просто, на всякий случай. Ну и чтобы впредь не выёбывался.

Ещё есть такая теория, будто автор переживает на личном кармическом опыте всё, что вытворяет со своими героями. Он влюбляется в бумажных женщин и поводит обнажёнными плечами этих женщин. Пока он просиживает последние штаны за письменным столом и/или крутит болты на заводе «Серп и Молот», он страдает и убивает, воюет с тысячью врагов и целует тысячи губ.

Пусть это будет ответом на второй вопрос.

Паланик — абсолютный чемпион по количеству придуманных им американских психопатов, только и ждущих, чтобы вцепиться вам в сонную артерию. Более того, Паланик сам стопроцентный американец и психопат. Так что если он задался целью напугать или обескуражить читателя, будьте уверены — за свои деньги вы получите сполна.

Но вот ведь странная штука — все эти люди, как будто только и знающие, что насиловать и увечить самих себя

и окружающих, не вызывают у нас отвращения. В книгах Паланика редко-редко встретишь прирождённого убийцу или стопроцентного нелюдя. Это обычные налогоплательщики, оказавшиеся в необычной ситуации. И реагирующие на ситуацию соответствующим способом. Расслабьтесь, говорит Паланик. С кем не бывает, говорит Паланик. Случись такое с вами, я бы посмотрел, как вы разрулите, говорит Паланик.

И — да, и нам становится действительно жалко этих придуманных людей с их придуманными проблемами. Давай-давай, держись, шепчем мы герою. Допустим, у героя — дар: убивать словом. Стоит ему напеть вполголоса детскую песенку, и в радиусе десяти шагов трупы лежат вповалку. Герой крепится из последних сил. Герой считает про себя:

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

И всё равно ведь не досчитает. Всё равно убьёт. Но вот держится пока.

Обычные люди в необычной ситуации — вам это ничего не напоминает?

Может быть, где-то здесь, совсем близко, ответ на третий вопрос.

Напоследок мы подходим к довольно скользкой теме. Речь идёт о скандальном интервью, отобранном у Паланика некоей шустрой корреспонденткой. В нём Паланик, разоткровенничавшись, поведал о подробностях своей личной жизни.

Само собой, нам с вами нет ровно никакого дела, каким образом хороший писатель Чак Паланик спит со своими мальчиками / девочками. Интересно другое: неделю спустя Паланик вывешивает на своём официальном сайте аудиофайл, в котором с излишней горячностью опровергает сказанное им в *неопубликованном* интервью.

Надо полагать, таким образом Паланик хотел пресечь возможные недомолвки и кривотолки. У него плоховато по-

лучилось, потому что злополучное интервью никогда не увидело свет по техническим причинам.

Я предупреждал, что Чак Паланик — мужик несерьёзный. За это он мне и нравится.

Лучшая новелла Паланика называется «Бодхисатвы». Она о... собаках. О двух золотистых ретриверах-спасателях, которые ищут трупы в завалах. Всюду, где было землетрясение, или наводнение, или ураган, или террористический акт. Грязная, но необходимая работёнка. Собаки, говорит Паланик, остро чувствуют запах беды. Бодхисатвы, поясняет Паланик, это просветлённые сущности, которые решили вернуться к людям и облегчить их страдания.

В другой новелле автор сидит в лужице тёплой воды на дне огромной ванны-джакузи в номере-люкс, сжимая в одной руке чек за право экранизации «Бойцовского клуба», а в другой — бутылку джина. У него практически содран скальп, потому что накануне он по ошибке намазал голову каким-то лобковым депилятором и до кучи принялся скоблить череп опасной бритвой. Он немножко растерян, и ему смешно — вечером какая-то важная вечеринка в Голливуде. Таким я его люблю больше всего.

Знаменитый «Эскорт» заканчивается тем, что герой-проtagonист приходит в квартиру умершего приятеля, чтобы забрать оттуда всякие разные анальные штучки, прежде чем их обнаружат родители умершего. Старики наверняка очень расстроились бы, рассуждает герой, и герой очень торопится. Он убеждает себя, что делает важное дело.

Грязную, но необходимую работёнку.

«Эскорт» заканчивается так:

«Я мог бы жить в этой комнате.

Да и любой мог бы».

...Просто на заметку: что, разве не бред?

ИЗ АДА — В АД

*Я подамся в менты,
в пидарасы, в поэты, в монахи —
всё что угодно,
лишь бы не нравиться вам!*
(кажется, «Инструкция по выживанию»)

Смешно: когда я впервые услышал голос Летова, воображение нарисовало мне совсем другого человека. Волосы: с проседью, едва отросшие после очередной ходки. Лицо: энергичное и мускулистое, какие бывают у неглупых урок. Рост: выше среднего. Плечи: широкие. Чуть сутулится при ходьбе.

Таковыми были люди летовского поколения — поколения старших братьев, многое повидавших и многое умеющих рассказать, — люди, которых я знал и уважал в Тугарине.

Потом, когда я увидел его фотографии, разочаровываться было уже поздно: голос схватил меня за шиворот и поволок туда, куда надо.

Мне повезло: я начал с «Прыг-Скока» — пожалуй, одной из самых зрелых работ зрелого Летова. «Закипела ртуть, замахнулся кулак. Но только если крест на грудь, то на последний глаз пятак» — это было абсолютно, стопроцентно моё. «Моя мёртвая мамка вчера ко мне пришла, всё грозила кулаком, называла дураком» — это было про мою мать, которая медленно и трудно умирала в соседней комнате, исколотая промедолом.

Мне вообще везло с летовским голосом: он просачивался сквозь стены, приходил ниоткуда, его приносили на здоровенных кругляках для катушечного магнитофона знакомые гопники: «Во, послушай... За жизнь поёт мужик».

Вслед за «Прыг-Скоком» была «Мышеловка» — альбом, записанный восемнадцатилетним омским панком в одиночку, путём наложения дорожек. «Колючая проволока вдаль километрит... Автомат, униформа и противогаз... А день был хороший, как сопля на стене... А он увидел солнце!» И ещё: «Я устал сторожить кресты, я устал получать пизды... (через десять лет эта строчка трансформируется в поистине страшные «нерукотворные пиздюли» — А. С.). Я устал от ваших речей, я желаю стать стайей грачей, я хочу умереть молодым!» Но сквозь кривые, плохо прилаженные друг к другу слова, сквозь прыщавый юношеский максимализм, как сквозь помехи записи, вдруг прорывалась чистая нотка: «А кто-то руками вдоль, а кто-то шагами вдаль, но я ещё соберу и приклею отбитые части тела...»

Вот почему мне тогда казалось, что Летов непременно должен иметь тюремный опыт. Это был голос человека, которого ломали и не смогли сломать. «Пластмассовый мир победил, ликует картонный набат. Кому нужен ломтик июльского неба? Моя оборона — солнечный зайчик стеклянного глаза... Моя оборона — плюшевый мячик дешёвого мира...»

Волосы: длинные, в юности зачастую не слишком хорошо промытые. Лицо: из тех, чьи обладатели с лёгкой руки Мандельштама получают кличку «христосик», — малоподвижное и невыразительное, с деревянной простотой черт, но зато вспыхивающее и сгорающее на раз. Очки — круглые, затемнённые, «под Леннона», иногда обычные, с довольно сильными диоптриями. Телосложение: хрупкое. Рост: ниже среднего. Из особых примет — плохие зубы.

Игорь Фёдорович сам достаточно рассказал нам о своих нелёгких боевых буднях: «КГБ-рок, рок-КГБ», «Мы — лёд под ногами майора» и т. д. Наверное, это как-то входило в имидж, а с имиджем надо считаться, пока он сам не начинает прикидывать: стоит ли считаться с тобой.

Последней опасности Летов счастливо избежал. Недаром одной из его любимых, многократно перепетых и пересведённых, была «Я не оставляю следов на свежем снегу». Только, в отличие от прочих убегающих, — на небеса ли, домой, к холодным сарделькам и яйцам вкрутую или, упаси Господь, в последнюю осень (здесь почему-то всплывает пряный дух распаренных веников в русской баньке), он всякий раз бежал вглубь себя — а там, судя по всему, был тот ещё БУР, тот ещё карцер. Потому он так истошно орал, потому бился в падучей на заплёванных сценах.

Совершенно напрасно называют предсмертный, 2007-го, альбом «Гражданской Обороны» светлым и праздничным. Ничего трагичнее и пронзительнее я не слышал (ну, разве ещё «Реанимация»: «А вот ОТДЕЛЬНОМУ солдату ПЕРЕСТАЛО умирать...»). Это поёт человек, приготовившийся к прыжку. Человек, бросивший через плечо последний взгляд — обречённый и окончательный. Человек, наконец-то купивший билет на тот самый скорый поезд.

Что ж, у Летова были свои отношения со смертушкой. Приязненные, даже родственные.

Как, впрочем, у каждого из наших.

Если бы Летов вправду мотал срок — хоть на благородной тугаринской «пятёрке», хоть на «красной» сучьей зоне, — думаю, он очутился бы в касте злостных отрицал. «Хуй на всё на это — и в небо по трубе». Из той же самой серии: «Убей в себе государство». И ещё: «Иуда будет в раю». Прежде чем сказать такое вслух (пусть даже повторяя сказанное кем-то), следует хорошенько всё взвесить. А сказав — уметь ответить за базар.

Его самая знаменитая фотка, размноженная миллионами копий и принтов на майках, обошедшая всю Россию, — Россию, где каждый пятый половозрелый мужчина вплотную соприкасался с пенитенциарной системой: человек в круглых очках стоит за колючей проволокой. Опыт Летова — опыт трансцендентального путешествия из ада внешнего,

повседневного, кухонного, огосударвленного, в разноцветные глубины личного ада, — опыт сумасшедшего Орфея, который вечно отправляется на поиски своей деревянной невесты.

В конце концов, это не страшнее, чем жизнь.

ОБЛАКО ИМЕНИ ЛЕНЫ РУФОВОЙ

Лена Руфова — это замечательная художница, которая живёт в Воткинске. А Воткинск — это городок в ста пятидесяти километрах от Тугарина. А Тугарин — ну, это Тугарин. Приезжайте, сами всё увидите.

Знакомство с Тугариным следует начинать в день города. Однажды я видел трансляцию какого-то карнавала в Стране Басков. Там люди, прикрепив к головам петарды, заполняют улицы и площади так, что яблоку негде упасть, и мерно раскачиваются в такт барабанному бою. Время от времени взлетает красная ракета — это значит, что умер ещё один человек, раздавленный или задохнувшийся в толпе. Такая смерть считается очень добродетельной и даже почётной.

Я доступно объяснил про день города в Тугарине?

Я сбежал из Тугарина накануне. Денег у меня оставалось ровно на одну хорошую пьянку с друзьями. Перед этим мы с Ёлкой пили в городском сквере сладкую и липкую настойку смородины на коньяке и говорили обо всём на свете, кроме Бога и беды. Ёлка — хорошая женщина, а я не люблю унижать хороших людей искренностью.

В автобус я загружался по частям: вот я, вот пиво, а вот мои воздушные поцелуи Ёлке, жирным вокзальным голубям и отъезжающей платформе.

У меня есть два пунктика, которые здорово отравляют мне жизнь.

1. Я имею привычку разговаривать сам с собой, и
2. Я ненавижу ездить на передних сиденьях автобусов лицом ко всем остальным пассажирам.

На этот раз мне досталось именно такое место. Пассажиры странно смотрели на меня, обложенного пивом, как бутылками с зажигательной смесью, и поэтому я сразу заснул.

Проснулся я оттого, что вокруг было много воды. Она сначала приснилась мне, а потом стала настоящей. Мы подъезжали к Воткинску, а в окнах автобуса стояла вода — много, очень много, ненормально много воды.

Я набрал Корамыслова.

— А? — спросил далёкий и маленький Саша.

— Хуй на, — ответил я. — Привет, братское сердце. Почему так много воды? И пушка... Что за пушка торчит стволом вверх?

— А, так ты на главной площади, — сказал Саша. — Это памятник. А вода — Воткинское водохранилище. Давай, двигай ко мне в музей.

Музей мне как-то не запомнился. Зато запомнилась дивная жареная курица, приготовленная Сашиней женой Людмилой Фёдоровной. Значит, мы были уже у него дома.

Саша — музейщик, и Людмила Фёдоровна — музейщица, и, как у всяких музейщиков, их дом тоже немножко похож на музей. Кругом висели картины, и все они были написаны дочерью Людмилы Фёдоровны Леной Руфовой.

— Покажите! — кричал я с интонациями Хлопуши. — Покажите мне «Облако имени Лены Руфовой»!

Так я про себя назвал одну вещь, которая мне нравилась, — собственно, это была единственная вещь Лены, которая мне нравилась по-настоящему. Ни Саша, ни Л.Ф. не могли понять, о какой картине я говорю. Кажется, её вообще здесь не было.

Мы пили тугаринскую водку «Тайга», закусывая курицей, когда пришла Лена Руфова. Полная, красивая, очень спокойная девушка. Мне рассказывали, что она замужем за эвенком. Она пришла помыться в ванной — что-то там у них с эвенком прорвало, а эвенк наверняка не умел чинить водопровод.

Всё время, пока Лена была в ванной, потом сушила волосы в соседней комнате, потом о чём-то негромко беседовала с Л. Ф., я расточал неумеренные восторги по поводу картин Лены, и особенно — той, моей любимой. При этом я обращался исключительно к Корамыслову, но старался, чтобы Лена слышала каждое моё слово. Мне казалось, что в такой форме мои похвалы будут звучать оригинально и никому не покажутся лестью. Наверное, я был уже здорово пьян.

Когда Лена ушла, Л. Ф. сказала мне с мягким укором:

— Что ж вы так и не заговорили с Леной?

В культурной программе у меня был запланирован Егор Чужак. Егор Чужак — это Егор Чужак, читайте его рассказы и сами все поймёте.

Впрочем, Чужак — такое блюдо, которое следует приберегать напоследок. Сначала мы всласть наобщались с Корамысловым. Точнее, вдрызг. Саша читал мне свои стихи, я пытался читать свои. Я забыл упомянуть о неприятном пунктике № 3, который отравляет мне жизнь сильнее всего: я ненавижу читать свои стихи вслух. Вот Корамыслов — он, кажется, и живёт-то лишь тогда, когда читает. Где-то в половине второго ночи Саша включил раннего, почти детсадовского БГ и завалился спать.

Мы были уже вдвоём, на корамысловской «явочной квартире». Она существовала только для того, чтобы Саша мог спокойно бухать и слушать БГ. Меня вдруг потрянул мощный приступ алкогольного голода (трижды благословенная жареная курица, мир твоему абсорбированному праху), и я двинул на кухню в поисках жратвы.

За стенкой нежно выла флейта Севы Гаккеля, на сковородке шипела и плевалась горячим соком говяжьего тушёнка, обнаруженная в холодильнике. На столе стояла банка с прошлогодними, но вполне съедобными солёными грибами, и ещё оставалось немного водки. Как раз столько, чтобы на неё просто смотреть и знать, что у тебя есть немного водки.

Утром мы похмелились достаточно жёстко, чтобы больше не строить никаких планов на день. БГ по пятому, что ли, кругу спел нам про хозяина, голову растамана и каменный уголь. Саша принялся сочинять танкетки, а я записывал их на обоях.

Неожиданно из-за обоев выглянула кондукторша и сказала:

— Ноги на воздуховод не ставить.

Оказывается, это мы ехали в маршрутке к Егору Чужаку. Я на всякий случай отхлебнул сбитня из полторашки. Кондукторша совсем обиделась и сказала:

— А за распитие спиртных напитков в общественном транспорте я вас вообще высажу.

Тогда я сказал (мне до сих пор стыдно, что я так сказал, но я сказал):

— Ты умрёшь от рака. Я его вижу. Он уже в тебе. Ты умрёшь очень скоро и очень страшно.

Сразу после этого нас высадили.

Егор Чужак клеил записные книжки из пустых пачек «Беломора». Это был его бизнес.

— Сомаф, я тут подобрал аккорды на твои стихи, — сказал он мне первым делом. Вторым делом он выпил перцовки.

— Сомаф, бля буду, никак твоего Гринуэя не могу осилить, — сказал Чужак.

— Сомаф, не еби мозги, — сказал Чужак.

Наконец он перестал говорить, взял гитару и спел песню на мои слова. Мне давно разонравились эти слова — про запоздалый март и волчий ветерок, про звёздную дыру над головой и голубую степь — но когда Егор спел, я попросил его спеть ещё раз. Потом он спел эту песню, наверное, раз пятнадцать, и каждый раз — по-другому, и с каждым разом всё лучше и лучше.

Когда пьёшь с друзьями, да вдобавок ещё и поэтами, наступает момент, когда хочется то ли разодрать рубашку на груди, либо нахамить всем присутствующим. У меня оставалось не так много времени до отъезда, и поэтому я решил совместить одно с другим.

Сперва я заплакал. Я оплакивал себя и свои дурацкие тридцать два года, большую часть из которых я бросал, предавал и трусил, всех женщин, которых я предал, всех мёртвых и брошенных детей, которых я обнимаю во снах. Затем я вытер сопли и рассказал моим друзьям-поэтам о Последнем Путешествии.

Сильнее я не мог их оскорбить. Егор Чужак, отсидевший за какую-то мелочь шесть месяцев, сказал с интонацией персонажа из телесериала «Место встречи изменить нельзя»:

— Фраерок ты, Сомаф.

Корамыслов ничего не сказал.

Сразу после этого я ушёл. Саша порывался проводить меня на вокзал, но я быстро от него съехался. Мне больше не хотелось видеть знакомые лица. Вокруг был чужой город, населённый исключительно незнакомцами, и меня это вполне устраивало. У одного из незнакомцев, одетого в серую ментовскую форму, я спросил:

— Где здесь стоянка такси?

На стоянке шумели гладкие восточные люди.

— Сколько до Тугарина? — спросил я.

— Рубль, — сказали восточные люди хором и отвернулись, как один человек. «Рубль» и в Воткинске, и в Тугарине означает тысячу. У меня не было тысячи рублей, и восточные люди это прекрасно знали.

— Хорошо, — сказал я, — расчёт на месте.

Восточные люди даже не посмотрели в мою сторону. Тогда очень худой человек, состоящий из оспин, острого профиля и выгоревшей челки, — он был здесь единственный славянин — сказал:

— Поехали.

Таксиста звали Гоша, и вряд ли он мог объяснить сам себе, зачем он ввязался в эту авантюру — на ночь глядя везти полупьяного клиента в Тугарин, да ещё под честное слово. Он отобрал у меня паспорт и строго-настрого запретил пить пиво в машине.

Он оказался неплохой мужик, этот Гоша. В прошлой жизни он много бухал. Мы говорили обо всём на свете, кроме Бога и беды. А над шоссе, совсем невысоко, парило облако с картины, которая, вероятно, мне приснилась. Одно-единёшенько. Маленькое такое.

Я смотрел на облако имени Лены Руфовой и думал, что Последнее Путешествие — это не страшно. То есть, конечно, страшно, но немножко, как страшно всё новое. Страшно ведь было идти одним тихим днём в длинное серое здание с букетом приторных астр. Страшно, вправду страшно впервые познать женщину. Страшно ударить врага во сне, когда кулаки как ватные. Но мы все делаем это однажды, а потом ещё и ещё.

Может быть, это праздник, нескончаемый фейерверк. А может быть, нескончаемый ад или медленное головокружительное падение. Ясно одно: скучно не будет. А вообще — там разберёмся. Но чуть попозже, чуть попозже, слышишь ты, фраерок?

Я не думал о том, где я достану тысячу рублей, чтобы заплатить таксисту Гоше. Я разговаривал сам с собой. Я говорил примерно вот что:

— Послушай. Этот мир — он ведь нуждается в тебе гораздо меньше, чем ты в нём. Понимаешь, к чему я клоню?

И сам же отвечал:

— Не-а, понятия не имею. А к чему ты клонишь?

— Не валяй дурака. Да, мир нуждается в тебе меньше, чем ты в нём. И что из этого следует? А только то, что ты можешь узнать о нём чуть больше. Из праздного любопытства хотя бы. Пока есть время. Да, пока у тебя ещё есть время.

...Я вошёл в Тугарин в пять часов утра. На тротуарах громоздились кучи мусора — смятые жестянки, упаковки из-под чипсов, сигаретные пачки, неиспользованные гондоны: следы праздника. Среди куч бродили весёлые собаки и грустные алкоголики. Я купил ещё пива и пошёл домой спать.

КОЧЕГАРКА ИМЕНИ ТОВАРИЩА АЗИНА

Э то были очень странные песни. Довольно простые, простоватые даже — ни рифмы, ни мелодики, — они тем не менее оставляли ощущение чуда. Такое послевкусие. Или я ностальгирую?

Вадик приходил, садился на круглую батарею, просил кого-нибудь настроить гитару, разрисованную шариковой ручкой (нечеловеческий профиль Цоя и суставчатые монстры). К этому времени попевал упитанный косячок. Или глоток старого доброго тошнотворного портвейна. А лучше — и то и другое вместе.

Нет, надо по порядку. Товарищ Азин был красным командиром, поставившим когда-то на уши всю Умрудию. Никто не знал, откуда он взялся, — казачок с прибалтийским акцентом. Он загонял целые деревни в асбестовые пещеры по берегам Любы-реки и морил их там голодом насмерть. За что ему и поставили памятник и назвали в его честь одну из улиц в Тугарине.

На этой улице, вернее, во дворе между библиотекой и стоматологией, была кочегарка, про которую тёртый человек по кличке Химик сказал:

— Там собираются панки.

Мы с Димычем только что записали первый квартирный альбом (полторы гитары, самодельная ударная установка и мой атональный вокал) и были уверены, что единственные панки в городе — это мы.

Ночью мне приснилась кочегарка. Куда-то вверх и вглубь уходили трубы, а на трубах сидели мрачные личности с иро-

кезами, сплошь утыканные булавками. («Взломщик», «Игла» и «Асса» только-только появились в прокате.)

На другой вечер мы, прихватив бутылку молдавской водки «Стругураш», пошли искать знаменитую кочегарку. Во дворе между библиотекой и стоматологией, давась и оглядываясь по сторонам, глотнули тяжёлой густой дряни, настоянной на виноградных косточках (благословенное время, когда мы умели давиться водкой и *шифровались* от лишних глаз).

Мимо шёл густоволосый тип в джинсовке. Шея у него была обмотана чёрным платком.

— Где здесь панки тусуются? — окликнули мы его.

— Айда со мной, — сказал тип и нырнул в темноту.

Всё было так и не так, как рассказывал Химик. Панки обитали в малюсенькой — три на четыре метра — подсобке. Зато на стенах (даром что свежепобеленные) был в наличии весь джентльменский набор тогдашних граффити: от «Кино» до «The Cure», от «Kreator» до «Коррозии металла».

Честно говоря, панков в чистом виде среди нас никогда и не было. Все уважали Егора Летова и «Гражданскую Оборону», но на этом общие симпатии заканчивались. Кто-то притарчивал по «Алисе», а кто-то — о, ужас — по сей день тайком слушает «Арию». Я уж не говорю о том, что своими сигаретами, шмалью и киром мы щедро делились с окрестными гопниками — и наоборот. Кастовых различий между пацанами, в сущности, выросшими в одном дворе — а в Тугарине все дворы похожи, как близнецы, — тогда не наблюдалось. Царила полная демократия. И ещё постоянно ощущалось — всеми! — что:

ЧУДЕСА
ВОТ-ВОТ
НАЧНУТСЯ.

Не сегодня-завтра. Ведь недаром же Ватсон пел, и «ко-сой» ходил по кругу, и девочки посматривали на нас — с на-

смешливым любопытством, но посматривали. Хотя, вероятно, я ностальгирую самым паскудным образом, придумывая то, чего не было.

Нет, всё-таки надо по порядку. Итак, Вадик затягивается, передаёт штакет рядом сидящему и начинает:

*— Дай мне знать, когда ты уйдёшь навсегда,
дай мне знать, когда ты закроешь глаза,
и кто пойдёт сквозь туман городской за тобой
по дороге домой...*

И вот это:

*— Мы все несёмся в никуда,
навстречу будущей войне...*

И это:

*— Остановившись, оглянуться на пройденный путь,
грустно улыбнувшись, осмотреть поле битвы —
и ехать дальше, уносясь в пустоту,
и исчезнуть в ночной тишине навсегда.
Я бы сделал на столбах провода из серебра...*

И, конечно, вот это самое:

*— Не стучи в мои двери —
я здесь не живу, е-е!*

Тут уже начинают подтягивать все, даже самые бесслухие. Поёт Олег (он повесится в 2001-м на чердаке), поёт Джон (станет мусором), поёт Илька-маленький (тоже будущий удушенник), поёт Толян (два срока один за другим), поёт Костя (девять ножевых в спину на пяточке у круглосу-

точного минимаркета), поёт Лёха-Акцепт (вернётся домой в цинковом гробу), поют Гриша, Пашка, Сагдей...

Странная штука, говорю я себе, странная штука, тогда — юные и сопливые — мы только и делали, что орали песенки о любви и разлуке.

Чудеса, не иначе.

Потом мы предпримем несколько героических попыток записаться в студии на приличной (кхм...) аппаратуре, Лёха с Гришей будут по страшной силе париться с микшером и всякими соединительными шнурами, пока Вадим безучастно перебирает все те же три аккорда, потом-потом-потом — но давай по порядку.

На дворе 2008-й, и я больше не узнаю и никогда не узнаю этого места. Окно, когда-то наглухо замазанное белым, отмыто, за ним — стоматология, а может, библиотека: какая теперь разница. Верстака, на котором обычно возвышалась горка плана, прикрытая газеткой, нет и в помине. Да и на стенах — совсем другие рисунки и слова. В углу — засаленный матрац. Наш каменноугольный рай, наш заповедник для робких душ какие-то малолетки превратили в траходром.

Друг, приехавший издалека и никогда прежде здесь не бывавший, говорит, глядя на наши обескураженные рожи:

— Парни, я вам завидую. У вас была кочегарка имени товарища Азина.

Он говорит это просто так, чтобы нас поддержать, — меня и Гришу, колупающего носком ботинка слезавшуюся золу. А ещё тех, кто невидимо толпится вокруг: Олега, Ильку, Костю, Акцепта...

Мы ещё соберёмся — все! — возьмём стакан шмали и ящик «Агдама» и запишем наши простецкие песенки так, как надо.

А потом сожжём нахуй кочегарку имени товарища Азина, потому что в такие места запаadlo возвращаться.

ОДИН ТАРАН, ОДИН ПОБЕГ

В тот день мне не сиделось дома. Знаете это чувство: если вот прямо сейчас что-то не предпримешь, другого случая уже не представится.

Я позвонил другу и сказал:

— Давай побродим где-нибудь, где давно не были.

— Давай, — сказал друг.

Мы шли по Большой Покровской. Десять лет назад это была страшная улица. Сюда от тюрьмы, довлеющей городскому ландшафту, стекались люди с мёртвыми глазами и синими от наколок запястьями. Здесь они зализывали раны и готовились к новым отсидкам.

С тех пор прошло десять лет, прежние обитатели вымерли («Спились?» — уточнил я. «Нет, реально вымерли», — ответил друг, сведущий в этих делах побольше моего). Теперь по Большой Покровской можно было просто гулять, разглядывая полуразвалившиеся купеческие дома.

Так мы добрались до храма Покрова Богородицы, давшего имя улице. В храме до самого недавнего времени был продуктовый склад. Тем не менее здесь сохранились фрагменты столетних фресок. А ещё среди облупленных стен бегал светлоголовый пацан четырёх лет от роду с гладко оструганной палкой. Думаю, ему было хорошо здесь. Немного грустно и одиноко, но хорошо.

— Привет, солдат, — сказал я ему.

— Привет, — отозвался он.

— Ты чего здесь делаешь?

— Охраняю, — сказал он и застеснялся.

— От кого охраняешь? От воров?

— Нет, — сказал он и совсем застеснялся. — Ходят тут...

И показал на стайку детей постарше, скакавших снаружи. Понятное дело, его не брали в компанию. И всё равно я позавидовал ему. Какие-то катакомбы с толстыми сводчатыми стенами уходили под землю. В храме было прохладно, сумрачно и пыльно, то есть именно так, как надо четырёхлетнему человеку, чтобы почувствовать себя кем угодно.

Потом мы оказались у тюрьмы, гадая, что означают треугольники на воротах — один синий, другой красный — с надписями «Один таран», «Один побег». Это была знаменитая тюрьма — с тройными стенами, вышками, опутанными неопрятной «колючкой», и настоящей огневой точкой в запретной зоне.

Очевидно, мы и впрямь слишком долго простояли у ворот. Два румяных ВВ-шника появились из ниоткуда и вежливо обратились к нам:

— Ждёте кого-нибудь?

Мы никого не ждали. Мы лишь попросили объяснить загадочные надписи. Румяные парни добродушно посмеялись и сказали:

— Заезжайте как-нибудь, узнаете.

Мы поднимались всё выше по Большой Покровской и наконец дошли до Новой церкви. Издали она была похожа на ракету, вблизи — на комод: досадный просчёт архитектора, не иначе. Нарядные, словно карамельные, маковки дисгармонировали с кирпичной кладкой.

— Они как будто из пластика, — сказал мой друг, задрав голову. — А кресты — из фольги.

Во дворе церкви шла, несмотря на выходной день, неспешная работа, урчала какая-то электрическая скотинка, переговаривались люди в спецовках. На нас, прогуливающих под стенами, посмотрели длинными взглядами и отвернулись.

— Плевать, — сказал я. — Зато здесь чуть ли не самая высокая точка обзора в городе. Пойдём к овраге.

От оврага действительно открывался потрясающий вид на город и на Любу-реку. Солнце играло с водой. Далеко и близко серебрился железнодорожный мост. У меня легонько закружилась голова.

— Знаешь, сколько вон до той линии электропередачи? — спросил друг, показывая на едва заметную ниточку вдоль берега. — Тридцать километров.

Мы ушли, когда рабочие как-то совсем странно стали на нас смотреть. Два бездельника, непонятно что вынюхивающие. Ещё хуже — совершенно трезвые. В Тугарине это всегда подозрительно.

То и дело навстречу нам попадались люди, с гораздо большим толком проводящие время.

— Давай до мечети, а там домой, — предложил я.

Мечеть нас не особо впечатлила — приземистый кирпичный барак под железной крышей и остроконечной башенкой, утыканной громкоговорителями, — гораздо интереснее было смотреть по сторонам.

Казалось, на этих улочках остановилось время. Если бы мне сказали, что здесь до сих пор пользуются керосиновыми лампами, я бы поверил. Люди с внимательными лицами выходили из ворот и застывали, глядя нам вслед. Даже местные собаки лаяли на нас вполголоса.

«Теперь я понимаю, почему на гербе Тугарина изображена древняя крепость», — думал я. «Замки и засовы, заборы и ставни, — вот из чего сделан этот город».

— Надо же, яблони цветут, — говорил в это время мой друг, показывая на белое свечение в глубине улицы. У него было такое лицо, будто он встретил очень близкого человека.

— Вот так можно прожить жизнь и не знать, что происходит в мире, — сказал я.

— Ну-ну, — сказал друг, снова надевая маску рассудительности. — Я тебе такое порасскажу...

А потом мы пришли на гору Урал.

Никто в Тугарине не знает, почему она так называется. Мне было известно только, что сюда приезжают после венчания счастливые молодожёны. Я сам в последний раз был здесь после венчания. То есть когда был счастливым молодожёном.

У меня снова кружилась голова, люди внизу, на берегу Любы-реки казались совсем маленькими, пахло шашлыком, играла автомобильная музыка. Мы с моим другом сидели на траве, подложив разорванный напололам полиэтиленовый пакет, и лениво переговаривались.

— Интересно, почему некоторые люди просто обожают портить другим настроение? — говорил друг, ни к кому в особенности не адресуясь. — Я имею в виду этот дурацкий блатной шансон. Ну, разве мало птиц... Так ведь нет же...

— Может быть, если бы они слушали другую музыку, они сами были бы немного другими, — сказал я, не слишком веря самому себе.

— Кстати, я понял, что было написано на воротах, — сказал друг.

— Потом, — сказал я.

Уже в сумерках мы выпили немного вина и пешком побрели домой, ощущая, как ноют ноги. Завтра они будут гудеть. После тридцати начинаешь понемногу отвыкать от долгих пеших прогулок — или наоборот, толькоходишь во вкус.

Я шёл и гадал: что же подарил мне этот город, такой скупой на подарки и признания в любви. Я вспомнил белоголового пацанёнка в заброшенной церкви. Я знал, что буду вспоминать о нём ещё и ещё, и тогда, может быть, мне будет легче идти.

Эль, 2008

БЕСЫ ГОВОРЯТ

Смотри смотри смотри на мир который умер
а если даже нет то здорово смердит
плохие сны в Твоём раскрашенном bedroom'e
плохие сны смотри смотри смотри смотри.

фасованный пластик картонные конторы
остаться в стороне остаться в стороне
от этих жирных мест *мы сами тот который*
и тот который на и тот который не.

вот дерево стоит и простирает длани
вот человек дотла сгоревший изнутри
плохие сны в Твоём задроченном бедламе
плохие сны хотя б сквозь пальцы но смотри.

смотри смотри как целки маршируют topless
и дни стоят кругом с лопатами в руках
а всё что есть у нас оскаленная доблесть
не разлюбить врага не разлюбить врага.

Тебе ж припомним и пустые шашни с небом
и свежие гробы в горячих липких снах
и кровь присыпанную марганцем и снегом
весь этот добрый snuff весь этот добрый snuff.

за окнами генварь за окнами светает
заколоти врата заколоти врата
мы сами тот пиздец который наступает
на всех Твоих невидимых фронтах.

2008–2009

СОН БАТЮШКОВА

...Просто ни о чём.
Хватая края, кусая ногти:

над Улеаборгом лежит киммерийская мгла.
Пришли мне, мой милый, какой-нибудь русской печали.
А я наблюдаю небесны тела:
мой смуглый, мой маленький ангел поводит нагими плечами,
в прицеле винтовки зачем-то грустят опера,
пока я не помер, пока Адонаи меня ещё крутит на пальце,
пришли мне Жуковского в детской сорочке, чтоб так,
и чтобы никто не ушёл из гостей и не спрятался в шкаф,
как вчера,
не спалился, не спасся,
но это
всё же
дантист,

пощады не будет.
Коридоры и рекреации перекрыты. Школа оцеплена.
В небе снуют вертолёты.

(Слушай музыку
завт-
ра.)

«В почтовой карете,
в почтовой карете,
в почтовой карете
я забуду вас навсегда».

(Ты думаешь — я
глодал эти ветви, как Бэмби в весеннем саду?
Ошибаешься, darling. Я видел.
Я видел, я видел,
но потом я забуду.)

Но чтобы в далёком железном пальто,
мой Гнедич кривой, мой любезный алкаш,
мой сосудистый нахуй,
никто не вернулся из школы, никто не сгорел
и не спасся никто,
когда колбаса кровяная, Эмилия, упс.

(Какая-то датская гниль.
Давайте же спляшем, друзья, пасаккалью!)

Ну да,
не иначе,
кончается день.

Боишься?
Боишься.
Боишься,
так бойся.

(Увы, людоеды выходят из тёплых пещер,
они улыбаются: здрасьте.)

Играй на цимбалах,
играй на варгане, неправильный Гнедич, играй
и не парься,
играй.

(Когорты,
когорты, когорты,

когорты,
когорты,
проходят когорты готовых стихов,
когорты идут, да и мимо.)

Китайцы и бабочки скачут на кончиках ржавых штыков,
а я говорю из такой очевидной могилы:
пришли мне, мой Гнедич,
каких-нибудь русских стихов,
янтарный чубук, ещё «Вестник Европы» с «Людмилой».

2008 (?)

* * *

в тисках атонального шума и гама
взмолитесь о музыке как о пощаде
пусть виолончель нет виола да гамба
взахлёб умирает на сцене дощатой
на сцене дощатой отроческий бархат
аккомпанемент не в ударе в запое
давайте под генделя шуберта баха
давиться слезами давиться собою
не больно не трудно не совестно если
хотя бы с две тысячи первой попытки
уверовать в тёмную нотную ересь
распятую на колченогом пюпитре
в полуденный спектр и медвяную гамму
покуда со сцены ты слышишь со сцены
рыдает по-вдовьи виола да гамба
и рушатся навзничь картонные стены

* * *

Памяти О. Желткевича

I.

Новорождённый мир и важен, и пуглив,
когда, оглядывая райские уголья,
потопчется в дверях, потычется в углы,
поворошит в печи остывшие уголья...

И, ангельский распев услышав хоровой,
гадает, что теперь: поплакать ли, подпеть ли,
и вновь недоумённо крутит головой —
бедняга, пять минут как вынутый из петли.

* * *

Воскресение, радость, сухие глаза,
самый медленный поезд на свете,
всё, что можно представить, и всё, что нельзя, —
лишь бы только не видели дети.

(Запрокинется в небо чужое лицо —
и каштаны посыплются под колесо.)

Променад по больничному дворику — глянь,
как несуетна жизнь год за годом.
Я в неё проникаю до самых до гланд,
я вхожу в этот пряничный город.

(А потом — только пряди намокших волос.
Я взорву этот город, знакомый до слёз.)

Но прошу тебя, ты обозначь, проследи
траекторию главного чуда
перед тем, как забьюсь-упаду посреди
оживлённо молчащего люда.

(И каштаны посыплются на тротуар,
как последний,
сладчайший,
немыслимый дар.)

2008 (?)

* * *

...белёдые сухие небеса,
глядящие осмысленно и цепко.
И воздух будто взвешен на весах
аптекарских —
ни грана без рецепта.
И церковь, и ограда, и кресты —
всё слишком просто, буднично, осенне,
поскольку мир спасён от красоты
и заодно — от веры во спасенье.
И только удивлённый холодок
проскальзывает где-то между рёбер.
Ты видишь —
ангел в пластиковой робе
босой ступнёю пробует ледок?

И снова настигают голоса,
дома, деревья, улицы и лица.
И надо всем — пустые небеса,
простые небеса Аустерлица.

2008 (?)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВЕЩЬ

Закрываются глаза окраин.
Ангел держит свечку в вышине.
И шуршит-порхает на экране
яркий телевизионный снег.

В вышине — то вспыхнет, то померкнет —
самолёт ползёт сквозь облака,
сквозь грозу и радиопомехи,
словно сквозь опущенные веки,
словно сквозь дремучие века.

Спят антенны, провода и мачты.
Гоблины. Пейзаны. Короли.
Всё мертво на сотни тысяч ли.
Что же ты не спишь, мой бледный мальчик,
там, под слоём тлеющей земли?

Никуда не выйти нам из дома.
Посмотри на ржавый потолок —
вот звезда Тюрьмы, звезда Содомы,
а над ней — звезда Чертополох.
Усажу тебя, как куклу, в угол,
сказочкой нелепой рассмешу,
только б ты не слышал через вьюгу
этот белый, белый-белый шум.

Расскажу про тридцать три печали,
муравьиный яд и ведьмин плач.

Как стонали, поводя плечами,
страшными далёкими ночами
линии электропередач.

А по корневищам и траншеям,
сторонясь нечаянной молвы,
по костям, по вывернутым шеям
шли скупые мёртвые волхвы.

Мучились от голода и жажды,
табачок ссыпали на ладонь,
тишиной божились.
И однажды
забрели в наш неприютный дом.

Сны перебирали, словно ветошь,
пили, на зуб пробовали швы.
Просидели за столом до света,
а со светом — встали и ушли.

Шли тайгою, плакали и пели,
жрали дикий мёд и черемшу.
Слушали бел-белый, белый, белый,
белый, белый, белый-белый шум.

Спи, мой кареглазый цесаревич, —
там, в стране красивых белых пчёл,
больше не растёшь и не стареешь,
не грустишь ни капли ни о чём.

Ведь пока мелькает на экране
мёрзлый телевизионный прах —
ангел Пустоты стоит у края,
держит свечку на семи ветрах.

* * *

Бесстыдно хороша — мерцающая брошь
на домотканом сарафане лета —
глупышка бабочка, лети отсюда прочь
в объятья растревоженного света.
Ты — голубой хитин и солнечная слизь,
и столько хрупкости в тебе, но столько
упрямой правоты — так негодуй и злись,
пляши, душа моя, на битых стёклах
отчаянную джигу, бешеный канкан,
узорчатые крылышки оплавя,
не силясь угадать по встречным огонькам
грядущее властительное пламя.
Как это странно — самое себя обречь
на поиски неверного ответа...
Авось ещё пробьёшь зияющую брешь
в полусожжённом бастионе лета.
И потому — лети на безымянный свет,
в его реальность веря и не веря,
минуя сослепу в крошечном торжестве
услужливо распахнутые двери.

КСУЛЬ¹

Ей везёт на раненых птиц,
тех, что падают камнем с неба,
на обилие встречных лиц
и на чувство дождя и снега.

Ей везёт на огонь и лёд,
ей везёт на утро и вечер.
Ей идёт, как она идёт, —
будто ловит губами ветер.

А вокруг, посмотри, вокруг
гомонит городское лето.
Если б вдруг, если б только вдруг —
но такой поворот сюжета

невозможен, непредставим —
слишком грустно, смешно, нелепо...

Вот мы с ней на крыше стоим.
Отпускаем ласточку в небо.

2007

---

¹ Текст этого стихотворения стал хитом в исполнении группы «Корни» в 2007 году. По словам первой жены поэта, Зинаиды Сарсадских, в марте 2007 года в квартире поэта раздался звонок: «Здравствуйте, это продюсерский центр Игоря Матвиенко, хотим приобрести у поэта Алексея Сомова текст стихотворения “Ксуль”. Как с ним связаться?» Его менеджеры искали текст про любовь, и этот выбрали! Он получил 14.500 за стих, он обалдел от этого. В газете он получал тогда 7 с половиной, наверное.

Радовался и гордился Лёша, предлагал Матвиенко написать текстов на альбом — тот написал, что выпускает по одной песне».

БАЛЛАДА ЗМЕЯ ТУГАРИНА

Вот такие, принцесса, лихие дела.
Я на небо смотрю — вместо неба дыра.
Вижу птиц неизвестных и вижу закат,
и людей, говорящих на всех языках.
В чёрной башне моей — без дверей, без окон —
поджидаю рассвет, разжигаю огонь.
Ты спросила, принцесса в накидке льняной:
«Ты, наверно, дурак? Или может, больной?»
Ты смеялась на ложе из листьев травы:
«Ты и вправду больной на все три головы».
Мне закаты-рассветы с тобой не встречать,
трёхголовых детишек с тобой не качать.
Только вряд ли найдется ещё под рукой
вот такой безнадёжно влюблённый дракон.
Мне бы взять бы сейчас, полететь до Луны,
где живут беспечально волхвы-колдуны.
По семь лиц у них да по четыре руки,
они пьют из великой и страшной реки,
пусть дадут мне отвара семнадцати трав,
пусть баюкают память мою до утра.
Вот такие, принцесса, лихие дела.
Я на небо смотрю — вместо неба дыра.
И на все мои бедные три головы
заготовлены здесь топоры-колуны.
Вижу птиц неизвестных и шар надувной,
проплывающий вкось надо рвом и стеной.
Я, конечно, дурак и, наверно, больной,
только ты до утра оставайся со мной...

2008 (?)

НЕВИДИМЫЙ МАЛЬЧИК

Не пушистым, не пятилетним
и не тем — чужим и последним —
не живым, короче, и не
мёртвым (и подавно — крылатым
статным духом в акриловых латах) —
вот никак не снишься ты мне.

Кем ты стал? Прожорливой рыбкой,
сонной радугой ли, улыбкой
на Его голубых губах?
Или, может быть, тайным другом
шалунов, поставленных в угол,
покровителем сломанных кукол,
добрым ангелом всех нерях?

Я скажу: во всём виновата
эта песня о сыне пирата,
что по правде был королём.
(Мы по морю летим, а над нами —
облака, облака клочками,
как распоротый поролон.)

Вот оно и пришло однажды —
встало куполом стоэтажным,
обнесло бродячей стеной.
Высоко проплывают мачты,
а вослед им ручонкой машет
никому не видимый мальчик,
что шагает рядом со мной.

2008 (?)

ПАМЯТИ ПЭ

I.

Где-то за полночь слышишь тройной стук-тук-тук.
В подкроватной стране созревает латук.
В подкроватной пыли потерялся волчок.
Жил да был человек, но об этом — молчок.

В подкроватной пыли — закатившийся мяч.
Жил такой человек, сам судья и палач.
Был один метроном, сам себе мозгоклюй.
Если веришь — усни, а не веришь — наплюй.

II.

Только за полночь слышится мерный стук-тук.
«Открывай, открывай, я вернулся, мой друг!
Хоть цепочкуними, хоть пусти на порог.
Я устал и замёрз, как обманутый бог».

В плащ-палатке, в бушлате, в набухшем пальто,
это кто-это-кто-это-кто-это кто —
неумеренно весел и в меру поддат,
беглый каторжник ли, неизвестный солдат?

«Это я, мой воробушек, вот я каков —
от пещеристых тел до седьмых позвонков.
От обугленных скул до стеклянных ногтей —
это я возвращаюсь из синих гостей».

В некрасивом году, в кисло-сладком кино
бьюсь дырявой башкой в слуховое окно.

Толстым клювом стучу, как саврасовский грач,
сам себе мореплаватель, плотник и врач,

сам себе и мустанг, и седло, и ковбой.
Собирайся, мой друг, я пришёл за тобой.
Видишь, прерию лижет шершавый рассвет.
Жил да был Франкенштейн, а теперь его нет».

III.

В подкроватной стране, в бронетанковом сне
я приснился тебе, ты пригрезился мне.
Стоит скобки открыть — и припомнится, как
мы с тобой штурмовали московский рейхстаг.

Отпускаю на волю гусей-лебедей —
это игры больших невесёлых людей.
И торчу на высоком холме, не дыша,
и трофейный сжимаю в руках ППШ.

IV.

Расстрелять все патроны, пустить в молоко.
Запудрить волчок — это вправду легко.
И проснуться — что скобки закрыть, что за ско

2009

КСУЛЬ, 28 МАРТА 2009

Последний снег был вытолкан взашей.
Моя зима давно сошла на коду.
Я никогда не спрашивал — зачем
живёшь и держишь крепче год от года.
И ты Его не спрашивай. Грешно
и некрасиво задавать вопросы.
Как будто голубь залетел в окно,
и всё уже давно предрешено —
так просто, слышишь, милая, так просто...
Как будто ангел пролетел, скорбя,
коснулся нас крылом, а может, взглядом.
Я никогда не спрашивал тебя,
зачем молчишь и дышишь где-то рядом —
за миллионы миль, в чужом аду,
на крышах, где ни пяди для разбега,
в две тысячи неведомом году,
на краешке забвенья или снега.
.....

Ты не умрёшь.
Я говорю: не смей.

ТУГАРИНСКИЙ СВЕТОЛОВ, ИЛИ ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ ВЗРЫВА

«Смотри смотри смотри на мир который умер...» Этот настырный самопризыв повторяется в стихотворениях и эссе-новеллах Алексея Сомова в разных вариациях и с упорным постоянством. Смотреть на смерть — странное занятие, даже для поэта. Но если на время отложить предмет созерцания и остановиться на действии, станет понятно, что из всех чувств существенным для данного поэта оказывается зрение; из всех человеческих несовершенств — слепота, — не в прямом, разумеется, смысле, а приблизительно в том, который вкладывал в этот чреватый последствиями духовный изъян Стэнли Кубрик в «Заводном апельсине». Отсюда — множество метафор зрения и слепоты у Сомова, а также — длинный список беспощадных эпитетов, описывающих глаза протагонистов его стихотворений: запавшие, обёрнутые в картон, треугольные и бесстыжие, пустые, «без страха, жалости и боли», прорастающие цветами... Визуальное в стихотворениях Сомова зачастую постигается через прикосновение, через физическое, иногда доведённое до физиологической прямоты и жёсткости, вследствие чего поэзия становится чем-то вроде азбуки Брайля (прикоснись — и увидишь), в то время как сам поэт (и позднее — читатель) призван и вынужден быть «беспощадней и зорче» (из стихотворения «Азбука Брайля»). И поскольку поэт пытается видеть всё, что происходит «по обе стороны [его] взгляда», его поэзии присущи то резкие, то плавные наезды камерой; то нарочито укрупнённые планы, то широкоформатная панорамность; то концентрирующийся в одной точке взгляд, то подвижный ракурс, показывающий мир под разными углами, почти никогда не представляющими предмет наблюде-

ния в комплиментарном свете. Помимо *тактильного*, незрячего способно спасти *слуховое*, тоже частично компенсирующее отсутствие зрения, когда «звук тщится / вырваться из себя, памятью о чуде». Но по мере приближения обострённого слуха к максимальному пределу отчаяния поэта спасают две вещи: стихописание («превращение воспоминаний в: буквы, слова, абзацы») и воображение, без которого не обходится ни одно искусство, как, впрочем, и ни одна детская игра. А последняя, по Сомову, — это и жизнь, и то, что — после неё. Если жизнь — игра, то поэзия — игра в войну, жестокая и убийственная:

*я хочу от русского языка
ровно того же самого
чего хочет пластун от добытого языка
связанного дрожащего сосаного*

Не случайны детские голоса в стихотворениях Сомова («...пока я не помер, пока Адонаи меня ещё крутит на пальце, / пришли мне Жуковского в детской сорочке, чтоб так, как вчера»), не случайны надлежащие детским «забавам» атрибуты (корабли, «воздушарики», бумажные, но цветущие взаправду цветы) и, наконец, не случайны чудеса, иногда ведущие к преобразению, к волшебным метаморфозам, не обязательно счастливым и красивым, но от этого не становящимся менее дивными. «...улыбаешься и шепчешь / а мне не больно», — кажется, будто эти слова произносит наказанный родителем ребёнок, упрямый нарушитель взрослого спокойствия, живущий, словами поэта, «впротивотакт», «бесстыжий отрок юркий раб галерный / игрушечный танцор без головы», которого трудно сломать, как трудно сломать уже сломанную игрушку. Сам поэт сравнивает стихи то с «грифельным молоком, / которое всем ядам антидот», то с «записками из игрушечного ада». Видение рая, который выпадает «лучшим из мертвецов», у Сомова — тоже детское. Ангелы в его раю — «божьи звери», а если точнее, собаки «лунной масти от хвоста до кончиков ушей»:

*рай заполнен божьими зверьми
коих не окликнешь, не погладишь*

*им не надо воли и земли
сахарных костей, собачьих кладбищ*

*но до света умные животные
те, которых знал я и любил
лижут руки горячо, щекотно
наклонив сияющие лбы*

Персонажи стихотворений Сомова — злые ведуны и добрые, но подпорченные феи, мальчики-ангелы, волшебники в вертолётах (да, из банальной детской песенки), люди-совы, «волхвы-колдуны», «безнадёжно влюблённые драконы», супергерои комиксов и другие (не)вымышленные персонажи. Так, например, сомовский Человек-Паук — это погибший сын в карнавальном костюме; девочка Эй — из тех ангелоподобных женщин, которых называют падшими (неслучайно обращающимся к Эй нет дела до её подлинного имени, его заменяет уничижительное междометие)... Несмотря на настойчивый мотив детской игры, мы прислушиваемся не к утомляющему капризами инфантилу, а к дихотомичному нарратору, понимание которого отчасти зависит от нашей природной когнитивной эмпатии, поскольку полагается на одну из ключевых метафор художественного и психологического порядка: *взрослый как ребёнок*. Здесь важно оговорить, что речь — не о художественном приёме и не о шулерском тузе, извлекаемом из писательского рукава: этому поэту не нужно прилагать усилия для возвращения в своё или чужое детство, поскольку пространство, в котором он обитает, лишено временных параметров. Человек у Сомова юн и стар, мал и велик, силён и беззащитен — постоянно и одновременно. Говоря точнее, эти стихи вмещают в себя разнородный коллаж лиц, каждое из которых — настоящее, ибо: «Человек, который всегда выглядит одинаково, на самом деле вовсе не этот человек: он только изображает этого человека» (из эссе «Тлалок»). В силу такого *пересечения множеств* возникает сомовская полифония, происходит частая смена интонаций и жаргонно-литературного регистра. Поэт, время от времени «кобейнясь и хемингуэя», переходит от «игры всерьёз» к далеко не детскому паясничанию. Можно предположить, что

просодическая и лексическая неровность поэзии Сомова становится залогом как триумфов поэта над языком, так и уступок ему, — на войне как на войне. Но возможно и то, что в силу такой вариативности значимость сомовской поэтики в целом, как ни парадоксально, несколько превышает суммарный вес её составляющих.

Темы смерти и посмертия — стержневые для поэта, ещё при жизни внутренне поселившегося в вымышленном (ли?) Тугарине. Это — особый город, не обязательно совпадающий с родным и вырисовывающийся постепенно, жёсткими отрывистыми мазками: «дом / друзья / работа и семья // ближе и дальше загробье» — его границы; «разрыв-трава» и «смертная сирень» — его растительность, «наглухо завален [ный] горизонт» — его перспектива... Порой нам слышен голос земли, на которой он построен:

*Говорит земля: ах, если бы да кабы
никогда не росли в моём рту гробы,*

*не свивались бы волоса корней,
не шептались бы голоса камней,*

*если б я, земля, да была пуста
и прозрачна вся, хрусталу под стать,*

*сразу стало б видно земное дно,
будто плетью исполосовано,*

*обживается медленно оно
новосёлами
невесомыми*

Существует несколько этимологических предположений о происхождении «Тугарина» — от имени половецкого хана Тугоркана, от имени прародителя тюркских народов Тогармы, или же от древнего топонима Тугие Горы, — места, где, согласно русским былинам и сказаниям, обитает безжалостный враг русских богатырей Змей Тугарин (Горыныч). Учитывая место

рождения и жительства Алексея Сомова (Удмуртия), пожалуй, следует обратить особое внимание на тюркскую составляющую многослойной удмуртской мифологии, полагающуюся на противоборство светлого и тёмного начал; но и в русской, и в южнославянской мифологии Змей Тугарин — один из самых амбивалентных и полисемантических персонажей. В «Исторических корнях волшебной сказки» В. Проппа говорится о неоднозначности «змиевых» признаков, проявляющихся в совмещении водной / огненной, надземной / подземной, земной / загробной символики, подчёркивающей двойственность драконьей природы. Говоря попросту, мифологический змей — это сказочный дракон, то есть птица и змея одновременно, а значит, существо, обитающее как под землёй, так и в небе. И поскольку подземное и небесное пространства — две среды обитания крылатого змея — традиционно связаны с потусторонним миром, то вывод очевиден: Тугарин — город смерти.

Однако вернёмся коротко к змеевидной природе Тугарина, чтобы отметить распространённый в былинах и летописных сказаниях славянского эпоса кочевой (и ключевой) мотив змееборства. В упомянутом выше исследовании Пропп предполагает, что этот мотив появился в мифологии почти одновременно с возникновением государственности. И поскольку сама по себе напрашивающаяся метафора *государство как змей-поглотитель* — логична и удобопонятна, то как, наверно, было бы эффектно в этой точке настоящих записок подогнать фигуру поэта к образу не экзистенциального, а уже героическо-политического змееборца! Тем более если учесть, что образ родины и тема сложных отношений с ней были в высшей степени близки Сомову и описаны во многих его текстах (например, в стихотворениях «Ритуал очищения охотника», «ИЧСХ» или «Родина-тьма»: «а за край вообще не надо смотреть / эту родину зовут твоя смерть»)... И всё же, несмотря на важные вехи авторской биографии (среди которых — смерть друга на чеченской войне, преждевременная смерть родителей и — боль, с которой невозможно совладать, — гибель пятилетнего сына) и даже на бесспорно значимые мотивы противоборства и смерти (особенно смерти) в поэзии Сомова, этот поэт — не змееборец, не бунтарь. Более того, не *смертеборец* — в том смысле,

что любая победа поэта над смертью оказывается случайным, побочным следствием его добровольного сближения, полного, почти кровного родства с ней.

Тугарин, описанный поэтом в нескольких эссе («Тлалок», «Облако имени Лены Руфовой», «Один таран, один побег» и др.) и стихотворениях («Баллада Змея Тугарина», например), — город мертвецов, в котором смерти нет. В утверждении выше нет противоречия, ибо, если рассматривать смерть как непрерывный процесс, а не итог процесса, то смерть не может наступить, — она может лишь начаться и никогда не кончиться. Смерть длится, как длится расстрел персонажа из «Тлалока», насильственная кончина человека, запечатлённая во внутреннем зеркале некогда принадлежавшего ему платяного шкафа, — бесконечно, подробно, медленно. (В скобках добавлю, что новеллы Сомова предлагают читателю несколько ключей к его поэзии, но пользоваться ими имеет смысл только после прочтения всего корпуса его стихотворений, — эта поэзия в меру самодостаточна, чтобы прибегать к излишне сподручным подсказкам.)

Смерть в Тугарине — часть повседневности, рутинное событие, постепенно и закономерно становящееся незначительным ввиду своей повторяемости — снова и снова, в разнообразных ежедневных вариациях. Мертвецы здесь воскресают и живут такой же жизнью, как и не умиравшие, для того, чтобы снова умереть и воскреснуть, каждый раз становясь «на смерть взрослей»; иными словами, «их смерть — это и есть их настоящая жизнь» (из эссе «Устрой о мне вещь»). Поэтому в городском пространстве соразмерности жизни и смерти, их неразличимости и равноценности, обесмысливается не только универсальная дихотомия *жизнь/смерть*, но и время. В конце концов, в городе константной смерти отсутствует всякий финал, любая замкнутость и конечность. Смерть длится — следовательно, смерти нет. Горожане здесь не заговаривают смерть, отнюдь, — они проживают её. Поэтому для столкнувшихся на улице тугаринцев вполне естественно при прощании отрывисто говорить друг другу: «бывай / звони / пиши / до новой смерти». Различия между бытием «до» и «после» смерти оказываются условны и относительны — не потому, что ирреальны,

а, напротив, потому, что нет для поэта ничего реальнее, чем город смерти, холодный, бескрайний, повсеместный: «только сердце как кусок льда / вечно тающий кусок льда».

Стихосписание у Сомова тоже уподоблено (не)детской игре, бесполезной, казалось бы, забаве, на которую уходит столько сил и кропотливого труда, что она обретает смысл в самой отдалке, при этом в глазах «взрослого» оставаясь занятием без видимой пользы и прока. Кажется, сомовский корабль устремлён к «гавани философии Шопенгауэра», как называл влечение к смерти Фрейд, но и это, на мой взгляд, было бы поверхностной трактовкой, если не отдельного стихотворения, то полного корпуса стихотворений поэта.

КОРАБЕЛЬНАЯ

*Ты чувствуешь себя пустой бутылью,
в которой некий хмурый демиург
игрушечный кораблик день за днём
настойчиво и кропотливо строит.*

*Ему в подмогу, кроме ловких пальцев
и вечности (которой не бывает
ни много и ни мало) — инструменты
загадочные, им же несть числа:*

*тончайшие и умные пинцеты,
и кисточки из беличьих ресниц,
и что-то вроде лилипутских лапок,
чему названья даже и не знаю.*

*(Такая нудная неспешная работа —
отличный способ скоротать разлуку
иль, скажем, непогоду переждать.)*

*И понемногу из дрянного сора,
из чепухи, из тряпочек и спичек
растёт в бутылке маленькое чудо,
бессмысленнейшее из всех чудес:*

ещё чуть-чуть — и назовёшь его

пиратскую фелукой, или даже
египетскую лодкой погребальной,
а может, каравеллою какой.

Всё прочее (небритые матросы,
который век страдающие от
цинги, похмелья, боцманских придинок,
а вот и бравый боцман с медной дудкой,

а вот солёный злобный ветерок,
присевший в ожидании на рее) —

всё остальное довообразишь
и аккуратно утвердишь на полке
каминной, по соседству с чудесами
того же плана: выцветшее фото
с чужой необязательной улыбкой,
собачка неизвестной пыльной масти,
обкатанный голыш «привет из Гагр»
и раковина сонная, витая,
хранящая далёкий шум-шум-шум
игрушечного кораблекрушенья.

Собственно, в процессе письма пишущий на какое-то время оживает (почти по Делёзу, который писал о вовлечении пишущего в движение, уводящее его за грань привычного собственного «я»), но при этом он каждый раз проживает определённую метаморфозу, становясь другим собой, одним из нескольких — а может, и бесчисленных — вариантов себя самого, которым в силу множества причин не выпало сбыться в реальности. В процессе письма оживает и мир — тот, который существует, куда он пишется и затем прочитывается другими (вот такой кивок Декарту: я пишу, следовательно, я существую). При этом главная ценность подобного превращения состоит всё-таки в том, что процесс преобразования оказывается важнее преобразённого — человека ли, предмета, пространства. И неважно, увенчается ли процесс волшебной метаморфозой или останется недоовоплощённым стремлением: «Будь мы рыбы — пели бы, как птицы. / Будь мы боги — стали бы смертны, как

люди». Трагичность восприятия и неотступное ощущение длящейся жизни-смерти, которая «перебирает костяшки за левым плечом» — а иногда перед самым лицом, совсем вплотную, — даже когда Сомов пишет о любви, — и тема, и одновременно мера его письма, величина поэтического движения, как «ускоряющийся — roll and roll and roll — танец дервиша, / солнечные капли на оперенье птицы Хут-Хут, / чистая / энергия / взрыва». Тема смерти предстаёт чем-то вроде тумблера в сомовском двигателе внутреннего сгорания — без неё невозможны ни искра, ни воспламенение, ни вожделенный бег:

*как в детстве, кувыркаясь и визжа,
бежать с единокровными бок о бок
по грудь в слоёном мартовском снегу,
смотреть на звёзды гибельные в оба
и умереть от бега на бегу.*

Должно быть, поэтому по окончании книги вспоминаются строчки Виталия Пуханова о музыке Баха: «Печальна смерть его. / Но смерть его печали / Печальнее всего».

Однако способны ли разрушительные по своей природе печаль, боль, зло и смерть на созидание? Безусловно. Именно в созидательности боли — суть любой жертвенности, в ней — смысл библейского «смертью смерть поправ». Таковы смерть и зло во многих стихотворениях Сомова; например, в стихотворении со знаковым названием «INTRO», примечательном, кроме прочего, отсутствием финальной точки:

*...А дальше меня не было,
А больше и не было ничего —
полные валенки неба
да близкий, родной, неживой,
плотный, как из алебастра,
слепящий свет,
свет,
свет.
.....
Тащу свои саночки.*

*Улыбаюсь
губами, которых нет.*

«Светолов» — так назывался один из блогов этого поэта, «играющего» то в «прятки с [...] собой», то в казни и войны, то в «игрушечные смерти» и преходящие превращения. Сомов, казалось бы, далёк от романтического образа ловца трудноуловимого и — за редкими, как бы случайными промельками — отсутствующего в Тугарине света. Однако если не сбрасывать со счетов эти единичные — и потому дорогостоящие — вкрапления, то смерть оборачивается не только источником творческого импульса, но и зачинщиком того духовного жеста, который, в конце концов, спасает от смерти. Почти как в известном стихотворении другого поэта: «нас в наступленье поднимало зло / но в нём оно лишилось средоточья» (Алексей Цветков, «опыт конца света»). Или — в беспросветном, как кажется поначалу, стихотворении Алексея Сомова «Может статься, что здешняя пустота...»:

*Но если встать с непокрытой башкой под снег
и смотреть внимательно, чуть прищурясь, —
сквозь фонарную рваную бахрому
в городах проступает рисунок бога.
Это ясно тебе как никому,
что совсем неплохо,
пускай немного.*

Или в стихотворении «Так и бывает: волны и облака...»:

*Не оборачивайся, перебирая слова,
перевирая мотив этой глупенькой песни,
ветер и пот рукавом утирая со лба —
завтрашний день будет ещё грубей и небесней.*

...Так и бывает:

*лодка качается на волне,
к берегу лодку волной прибивает.
Свет пребывает в тебе и во мне.*

Свет прибывает.

Или в другом тексте, который открывается жизнеутверждением:

*...и вдруг прольётся, как из чаши,
непоправимо белый свет,
сухой и звонкий, чуть горчащий —
и живы все, и смерти нет.*

В конце концов, чтобы соответствовать своему имени, тугаринский светолов не обязан поймать и удержать свет. Он лишь ловит его — мучительно, прерывисто, долго — гораздо дольше того скупого времени, которое было отпущено ему жизнью.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ирина Кадочникова. Не страшнее, чем жизнь 5

I. РОЖДЕСТВО В АДУ

«я хочу от русского языка...»	20
Вариации	21
Азбука Брайля	22
Рождество в аду	23
К теории снафф-литературы	24
Ритуал очищения охотника	25
Из поэмы «Сухой остаток»	27
«Ничто не имеет значения...»	29
Тлалок (из цикла «Другие эссе»)	30
Нечто космогоническое	42
«дом, окно, звезда...»	43
«Разочтись с судьбой привыкая быть публичным...»	45
Баллада о русском шансоне	46
Баллада о выборе (Tribute to Юрий Левитанский)	48
«Одна девочка, которую я потом очень сильно любил...»	49
«Под височной кожей голубой...»	51
<i>Александр Корамыслов. Ничего, кроме света</i>	52

II. НО ВСЕ ПСЫ БУДУТ С АНГЕЛАМИ

О чуде преображения. The Final Cut («чтобы волос с твоей головы не упал...»)	62
«в голодной тихой комнате смотри...»	63
Дом детей	65
О чуде преображения («Мальчик болен...»)	67
Четвёртая годовщина	68

Три верлибра	
I. «Ты не поверишь...»	69
II. «Двадцать четыре года своей жизни...»	70
III. «Это искусство...»	71
Символ вербы	72
«А здесь в июне в Захребетье...»	73
«По небу полуночи фюрер летел...»	74
«Вот такая это небыль, вот такая это блажь...»	75
«убийца и убитый спят в обнимку...»	76
Хроники подземного воздухоплавания (II)	77
Чужой сон	78
Сон астрофизика, или Нибиру в голову	
I. «Астрофизику снится чужая жена...»	80
II. «Астрофизику снятся земные моря...»	80
III. «Астрофизику снится отвал головы...»	81
Снегири upgrade	82
Peť Sematary	83
Intro	85
Душа свиньи	86
«Есть птичий ад и Страшный суд зверей...»	87
К Д***	88
Про Любу	89
«Дима Д. был из актёрской семьи...»	90
Тугарин и окрестности	92
«что у нас на завтра...»	93
Родина-тьма	94
«Есть верхний Тагиил, и у него...»	95
Говорит бойцам	97
М. («на стогнах многолюдно и мертво...»)	98
«Может статься, здешняя пустота...»	99
ИЧСХ	100
Про часики	101
«Говорит земля: ах, если бы да кабы...»	103
«Вот он появляется на свет...»	104
Адамович в Петрограде, 1923	106
«не сносить маклауду головы...»	108
«Кому сказать что в городах весна...»	109
«гроза двора, чумазый купидон...»	110

III. ЕЩЁ ГРУБЕЙ И НЕБЕСНЕЙ

Устрой о мне вещь (эссе)	112
Блаженство присутствия (эссе)	114
«Душа моя, пусти меня к себе...»	117
Старость	119
6.45	120
«Так и бывает: волны и облака...»	121
«Я помню день, когда я был сожжён...»	122
Тебе	123
«От мглы, налипшей на губах...»	125
Commonplace	126
Колыбельная сыну	127
«Это тайная несвобода, чей закон неподкупно строг...»	128
«Стихи мои, зализывайте раны...»	129
«Ты вырасташь до небес...»	130
«Выпадает меченая карта...»	132
«Передушить звонки и перерезать ток...»	134
«постучатся войдут и встанут рядом...»	135
«Вот белый свет. Вот это я и ты...»	136
«Привыкай к тому, что не расстётся...»	137
Апрель	138
«Запомни: скорость света преодолагает тьму...»	139
«Стрижи хвостами режут синеву...»	140
Рваное	141
«Это осень. Неужели так скоро...»	142
Египет-Китай	143
«Отчего так оголтело льну...»	144
«Как темна и чудесна звериная смерть...»	146
«...и вдруг прольётся, как из чаши...»	147
Автоэпитафия вольноотпущенника, Авентин, 200 г. до Р. Х.	148
Смех авгура (эссе)	149

IV. НА ВСЕХ ТВОИХ НЕВИДИМЫХ ФРОНТАХ

Переросток Савенко (эссе)	158
Боже, спаси Паланика (эссе)	161

Из ада — в ад (эссе)	169
Облако имени Лены Руфовой (эссе)	173
Кочегарка имени товарища Азина (эссе)	179
Один таран, один побег (эссе)	183
Бесы говорят	187
Сон Батюшкова	188
«в тисках атонального шума и гама...»	191
«Новорождённый мир и важен, и пуглив...»	192
«Воскресение, радость, сухие глаза...»	193
«...белёные сухие небеса...»	194
Рождественская вещь	195
«Бесстыдно хороша — мерцающая брошь...»	197
Ксуль	198
Баллада Змея Тугарина	199
Невидимый мальчик	200
Памяти Пэ	201
Ксуль, 28 марта 2009	203
 <i>Марина Гарбер. Тугаринский светолов, или Чистая энергия взрыва . . . . .</i>	 204

БЛАГОДАРНОСТИ

Составитель книги благодарит за всестороннюю помощь в подготовке и издании книги: Андрея Баранова, Алексея Дубовцева, Ирину Кадочникову, Александра Корамыслова, Владимира Коркунова, Марию Мельникову, Николая Милешкина, Асю Мутушеву, Марка Перельмана, Зинаиду Сарсадских, Елену Семёнову, Анну Штернберг и всех, присылавших деньги на книгу, но скромно оставшихся за кадром.

**Проект
«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»**

**Антологии Литературных чтений «Они ушли.
Они остались»**

1. «Уйти. Остаться. Жить» (Том I:1990–2010-е) /

Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева, В. В. Коркунов. — М.: «ЛитГОСТ», 2016. — 460 с.

2. «Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть I: 1970-е) / Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.: «ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 388 с.

3. Уйти. Остаться. Жить (Том II. Часть II: 1980-е) / Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.: «ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 456 с.

**Серия
Поэты литературных чтений
«Они ушли. Они остались»**

Редакционная коллегия:

Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин

1. Владимир Полетаев, «Прозрачный циферблат». — М.: «ЛитГОСТ», 2019. — 150 с.

2. Михаил Фельдман, «Ещё одно имя Богу». — М.: «ЛитГОСТ», 2020. — 100 с.

3. Алексей Сомов, «Грубей и небесней». — М.: «ЛитГОСТ», 2021. — 220 с.

Литературно-художественное издание

Книжная серия

Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»

Алексей Сомов

ГРУБЕЙ И НЕБЕСНЕЙ

стихотворения, эссе

Технический редактор *Владимир Коркунов*

Литературный редактор и составитель *Борис Кутенков*

Дизайн обложки *Мария Юганова*

Корректор *Марк Перельман*

9 785604 192054

Бумага офсетная

Гарнитура FavoritBookC

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 13.11.2020 г.

«ЛитГОСТ»

vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»

Белгородская обл.,

г. Старый Оскол,

Комсомольский пр-т, 73

kvadrat1998@gmail.com